

Курков

Андрей

ИГРА в отрезанный
ПАЛЕЦ

CF FOLIO

Андрей Курков

Игра в отрезанный палец

«Фолио»

1998

Курков А. Ю.

Игра в отрезанный палец / А. Ю. Курков — «Фолио», 1998

1997 год. В Киеве на крыше здания СБУ обнаружили труп. Установить личность погибшего оказалось несложно – это отставной генерал, советник президента по вопросам обороны Броницкий. Но вот что интересно: у трупа почему-то отрезан большой палец правой руки... Расследовать это необычное дело поручено молодому лейтенанту милиции Виктору Слуцкому. В ходе следствия судьба сталкивает его с Ником Ценским – бывшим военным переводчиком. Со временем они начинают понимать, что вовлечены в тайную и жестокую игру спецслужб Украины и России, вышедших на след огромных денег бывшего КГБ. Не раз подвергая свою жизнь смертельной опасности, Виктор и Ник не сразу осознают, что они – всего лишь пешки в этой игре...

© Курков А. Ю., 1998

© Фолио, 1998

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	14
5	17
6	19
7	23
8	25
9	28
10	32
11	34
12	37
13	40
14	43
15	46
16	48
17	49
18	52
19	55
20	59
21	62
22	65
23	69
24	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Курков

Игра в отрезанный палец

1

Киев. 21 мая 1997 года. Ночь.

Сержант Воронько любил свою маленькую уютную стеклянную будочку ГАИ в самом центре столицы – на площади Независимости. Особенно любил ее по ночам, когда перед ним отдыхала от колес проезжая часть Крещатика, когда, выйдя из будки покурить, он вдруг замечал, что городская тишина звенит. В отличие от родной сельской, которая стелется звуконепроницаемым покрывалом. В селе далекий случайный лай какого-нибудь пса разлетелся бы на километры, разбив тишину вдребезги. В городской тишине этот лай просто утонул бы, никем не услышанный: она бы просто поглотила любой шум.

Ночной город, которого все так почему-то боятся, беззащитно лежал перед сержантом и не вызывал никаких чувств, кроме любви и гордости. Воронько ощущал себя его защитником, охранником, телохранителем. Он был словно заботливый хозяин этого места. И хозяйство у него было большое и разнообразное: и главпочтамт, и фонтаны, и даже красный рекламный дирижабль с надписью «Coca-cola», болтавшийся над землей на привязи рядом с местом, где когда-то стоял памятник Ленину.

Посмотрев на часы – а было уже полтретьего, – сержант Воронько выложил из своего портфеля на пульт компьютер-ноутбук, раскрыл его. Этот компьютер подарил ему кум, работавший в налоговой полиции. Конечно, подарил не так просто, а в благодарность за то, что сержант помог ему оформить пригнанную из Германии машину. Все бы ничего, но она оказалась ворованной и с фальшивыми документами. А так – машина высший класс. «Опель-кадетт». Кум теперь на ней иногда в гости приезжает. Теперь она уже «чистая». Один приятель дал бумагу, что машина в розыске за границей не числится, другой оформил все, как полагается. И все по дружбе – ну посидели, выпили, договорились вместе без жен на рыбалку с ночевкой. Все по-человечески, по-братски.

И вот теперь он может по ночам не только любоваться пустынным Крещатиком, но и в карты с компьютером играть: в девятку. Или пасьянс раскладывать. Кум все показал. Правда, умный, собака, этот компьютер. Обычно выигрывает он у сержанта. Но ведь не человек это, так что и проиграть ему не стыдно. Тут уж никаких обид.

Включил сержант свой ноутбук, нажал по заученному порядку нужные клавиши, и появился на экране смешной человечек с колокольчиком. Позвонил, и перед сержантом возникли его карты. Хорошие карты, с такими глупо не выиграть.

Сделал сержант первый ход, как вдруг на пульте загорелась лампочка, и в ночную тишину стеклянной будочки ворвался хриплый механический голос рации:

– Седьмой! Срочно прибыть на пост одиннадцать!

Сержант взял рацию в руку. Сказал: «Слушаюсь» – и вздохнул. Не дали ему насладиться игрой.

Выключил он компьютер, положил его обратно в портфель. Сел в ГАИшные «Жигули», стоявшие у бровки метрах в пяти от будки, и поехал. Пост номер одиннадцать был недалеко – на Печерске. Если туда и обратно, то он еще не одну игру с компьютером успеет до смены сыграть.

Минут через пять после того, как опустела будочка ГАИ на площади Независимости, с холма напротив взлетел рекламный дирижабль «Coca-cola». Поднимался он над Крещатиком тяжело и медленно. Под ним на канате болталось вытянутое человеческое тело.

Безветренная ночь позволила дирижаблю утащить свой груз под невидимый небесный купол города.

Сержант Воронько уже подъезжал к Печерскому мосту, как вдруг из рации донесся знакомый хриплый голос:

– Седьмой! Отбой! Можешь возвращаться!

Воронько только покачал головой. Развернулся на пустой дороге и поехал назад на Крепчатик. Оставалось еще три часа дежурства, после чего можно будет вернуться домой и залечь на боковую. Но за эти оставшиеся три часа можно еще вдоволь наиграться. Лишь бы больше с поста не срывали.

2

Киев, 23 мая 1997 года.

Суэта вокзала осталась позади. Ник Ценский проводил вокзальную площадь уставшим взглядом и обернулся к Ивану Львовичу, сидевшему рядом на заднем сиденье темно-синего БМВ.

– Вам отдохнуть надо, – сочувственно закивал головой Иван Львович, глядя своими маленькими глазками в лицо Нику.

Ник действительно нуждался в отдыхе – семь дней дороги да еще добрый месяц возни с подготовкой отъезда, продажей квартиры, отправкой контейнера с вещами. Теперь Таджикистан казался далеким и совершенно чужим. И слава богу. Жена с сыном осталась пока в Саратове у родни – летом там хорошо. Волга, купанье, рыбалка. Лица вокруг славянские – уже легче. Не то что в Душанбе, где каждый встречный взгляд без улыбки, и не знаешь, что за ним кроется.

– Я думаю, что с Клевом вы как-нибудь потом сами познакомитесь, а сейчас прямиком в санаторий. У вас там будет временный домик со всеми удобствами, там я вам все и расскажу...

Слово «домик» вызвало у Ника добрую улыбку. У них когда-то был домик где-то под Житомиром. Домик и сад. Это когда его бабушка была жива. Они приезжали туда с мамой на все лето несколько раз. Когда это было? Шестьдесят второй? Шестьдесят третий? Не позже, потому что в шестьдесят пятом он уже был сиротой и его забрали родители отца, жившие в Душанбе. Потом словно провал, словно дальше детства не было. Школа, институт военных переводчиков, служба при штабе округа, две командировки в Африку. И все это на желтом песочном фоне, на фоне лиц песочного цвета, на фоне красивых неприступных гор, тоже песочного цвета.

Потом тихая свадьба, рождение сына. Увольнение с работы жены «по цвету лица». Ее начальник Сарултаев понял независимость как очистку НИИгеологии от нетаджиков. Потом позвонил, извинился, сказал, что в России им будет лучше. А что в России? Единственная родня в Саратове, и те живут без копейки. Хорошо хоть приняли их, поселили на даче, обещали чем смогут помогать Тане и Володьке, пока он тут обустроится. Ему еще повезло, что он встретил Ивана Львовича. Случайная встреча, а как все перевернула.

Ник тогда выходил из управления погранвойск. Настроение было хреновое. Подавал рапорт на перевод в Россию, получил отказ. А тут этот немолодой полковник в штатском, командировочный, попросил объяснить, как в ведомственную гостиницу проехать. А чего ехать – пешком пятнадцать минут от управления погранвойск. Провел его Ник, разговорились по дороге. Вечером вместе поужинали в турецком ресторанчике. Там Иван Львович и упомянул первый раз о том, что в Украине формируется новая служба и есть возможность попасть в ее «фундамент». Особенно если бабушка жила под Житомиром. И с квартирой, сказал, помогут, и с устройством. Конечно, не все сразу. Все требует времени.

Машина выехала на набережную. Светило солнце.

– Вы пиво любите? – спросил вдруг Иван Львович.

Ник кивнул.

– Тормозни у раков! – сказал Иван Львович шоферу.

Ник удивленно глянул вперед по ходу машины и действительно увидел возле бровки большую надпись на картоне «РАКИ», под которой стояли два ведра. Рядом на раскладном стульчике сидел парень в плавках и солнцезащитных очках.

– Почему? – спросил Иван Львович, выйдя из машины.

– Полтинник штучка.

Ник тоже вышел, хотелось размять затекшие ноги. Заглянул в ведро. Оно было полное – то ли торговля не шла, то ли парень только-только здесь устроился.

– Двадцать штук, – Иван Львович протянул парню купюру.

Через десять минут машина выехала за пределы города. По обе стороны дороги зеленел лес, стройные высокие сосны выступали иногда из него, как сходявшие шахматные фигуры.

Глаза Ника отдыхали на этой проносившейся мимо зелени. Это был совершенно другой мир, настоящий мир, в котором все было наполнено жизнью – и люди, и земля, и даже ведра у бровки дороги. Нет, случай – бог жизни! Это точно. Эту поговорку Ник «взял на память» у приятеля Лешки, погибшего во время первой командировки. Дело было в Заире, в их группе прилетели двадцать три человека, а вернулись одиннадцать. Тоже – дело случая. Их группу разделили на две – надо было провести переговоры о поставках оружия с двумя группами повстанцев. Лешка поехал переводчиком в первом микроавтобусе, Ник – во втором. Потом сообщили, что первый микроавтобус подорвался на противотанковой мине. Вот и вся история. Случай – бог жизни.

Слева появился аккуратный двухметровый зеленый забор. Шофер притормозил и остановился перед такими же зелеными воротами, на которых было написано «26-й км».

– Ну как? – спросил Иван Львович, показывая взглядом на деревянный финский домик, к которому от дороги вела посыпанная гравием тропинка. – Здесь раньше партбоссы отдыхали, а теперь все по-другому. Пойдем!

В доме было три комнаты, кухня и веранда. Показав все Нику, Иван Львович уселся на диван и перевел дух.

– Ну вот, теперь кастрюлька с водой на плиту для наших раков и пиво из холодильника ать-два! – шутливо сказал он после паузы.

Пока Иван Львович возился на кухне, Ник перенес свои два чемодана в спальню и торопливо перебирал вещи, пытаясь вспомнить, куда он положил заготовленный для Ивана Львовича подарок. Наконец рука сама наткнулась на завернутый в кусок кожи старинный турецкий ятаган, купленный когда-то на самаркандском базаре.

Иван Львович вернулся из кухни с пивом и стаканами. Ник встретил его с блестящим, изящно искривленным клинком в руках.

– Это вам! Спасибо, что вытащили нас оттуда!

– Да вы что! – испугался Иван Львович. – Из Душанбе тащили этот нож? Вас же могли на любой границе снять с поезда и посадить! О чем вы думали?

– Это не нож, это настоящий ятаган... – устало проговорил Ник. – Извините. Конечно, не подумал. Но не хотелось оставлять там. В контейнер нельзя было – там таможня каждую тряпку руками прощупывала...

– Ладно-ладно, спасибо! – Иван Львович наполнил стаканы пивом. – Раз пронесло, значит, удача на вашей стороне. Спасибо. На ковер повешу! Красивая вещь. Я сам немного издерганый, извините. Думал, что за нами хвост будет, но, слава богу, вчера ЧП веселенькое произошло, теперь вся СБУ на ушах ходит. Им не до нас. Представляете, на крыше здания СБУ труп обнаружили. Кто-то умудрился на рекламном дирижабле его туда поднять, и это все незаметно! Там камер штук двадцать в разные стороны, только не в небо. А этот подарочек прямо с неба опустился. Петля на шее, а второй конец к дирижаблю! Такого еще не было. Труп тоже, можно сказать, очень уважаемый. Генерал в отставке, помощник президента по вопросам обороны...

– Зачем старика убивать? – Ник пожал плечами.

– Какой же он старик! Ему только сорок семь лет, из ранних. Успел и в ГБ послужить, потом в Минобороны, а там год с бумажками за три в строю! Ладно, спасибо ему за наше спокойное прибытие!

Они чокнулись стаканами с пивом.

– Раки уже краснеют! – Иван Львович кивнул в сторону открытой двери на кухню.

Через полчаса Ник остался один. Иван Львович вежливо откланялся, пообещав заехать через пару дней. Пожелал хорошего отдыха.

Ник выпил еще одну бутылку «Подольского» пива – оно ему понравилось. Потом вымылся под душем и, закрыв занавеской окошко в спальне, улегся на широкую кровать. Пока засыпал – чудились ему ритмичные покачивания вагона.

3

25 мая 1997 года.

Вечер выдался красивый и многозвездный, и пятнадцать минут пустынной дороги от станции метро к родной многоэтажке показались Вите Слуцкому легким мгновением. Он и так, в отличие от большинства жителей месяц назад построенного дома, ходил этой дорогой без страха, всегда готовый или вытащить из кармана пиджака свое новенькое удостоверение следователя уголовного розыска, или показать свою «тэтэшку», висевшую в кобуре под мышкой. Ни то ни другое применять ему пока не приходилось, ни на работе, ни на этом километровом отрезке дороги, вилявшей мимо стройплощадок еще не достроенных домов к единственному достроенному. Странная логика строителей была Виктору непонятна – почему надо начинать с дальнего дома, а не наоборот, с ближнего к метро? Но кто знает, может быть, начни они с ближнего – пришлось бы Виктору с женой и трехмесячной дочкой все еще тесниться в «ОВД» – общежитии внутренних дел, как они называли хрущевскую пятиэтажку, затерявшуюся среди сталинских строений Печерска.

Теперь пешком на восьмой этаж и – ужин! Лифт еще не установили, так что физическая подготовка новоселов была на высоте, если не считать парочки старичков, поселившихся на двенадцатом этаже.

Виктор по привычке задержался на нижнем пролете узкой лестницы, давая глазам привыкнуть к темноте, потом рванул вперед, одновременно прислушиваясь к звукам бетонного колодца. Не потому, что чего-то боялся. Просто он постоянно забывал дома маленький фонарик – есть ли смысл вообще носить его целый день только ради того, чтобы включить вечером, возвращаясь по темной лестнице домой?

Он прислушивался, чтобы не столкнуться на ступенях с многочисленными соседями, среди которых большинство так же, как и он, пользовались на лестнице ушами и глазами, а отнюдь не фонариками.

Ира, маленькая крашеная блондинка, сама еще казавшаяся со стороны подростком, вышла в коридор с дочкой на руках, услышав, как скрежетнул дверной замок.

– Масло купил? – спросила она.

Виктор сразу сник. Чувство вины затмило ту легкую радость, с которой он возвращался домой. Он вздохнул, поняв, что лучше было бы ему вернуться с маслом, чем с этой радостью.

– Значит, будешь картошку лопать просто так, – спокойно произнесла Ира.

Потом будто повнимательнее присмотрелась к мужу. Заметила застывшую и словно спрятавшуюся улыбку, с которой он зашел в квартиру.

– Ты такой худой! Тебе надо сало есть! – сказала, прищурившись.

Виктор разулся.

– А сало есть? – спросил он.

– В морозильнике.

– Ну так доставай, вместо масла будет!

Уложив дочь в коляску, они сели на кухне ужинать.

Заедать салом вареную картошку было не так уж приятно, но Виктор молча жевал и то и другое поочередно, думая, что куда вкуснее было бы нажарить картошки с мелко нарезанным салом. Но это уже в другой раз. Сейчас он решил промолчать – все-таки это он забыл купить масла.

Снова на его лице возникла легкая самоуверенная улыбка, и жена насторожилась.

– Что там у тебя? Рассказывай! – Она уставилась ему в глаза.

– Дело дали! – признался наконец Виктор. – Настоящее!

– А паек когда дадут? – спросила Ира.

Виктор вздохнул.

– Тебе только паек, а все остальное по боку... Завтра паек. Кстати, там и масло будет, килограмм.

– А еще что?

– Гречка, сгущенка, рыбные консервы, селедка... Все то же самое.

Несколько минут они жевали молча, потом жена, почувствовав себя в этот раз виноватой, по-собачьи заглянула в глаза Виктору.

– Так что там за дело тебе дали?

– Убийство, – с гордостью ответил он.

– О господи! – выдохнула Ира. – Ты же никогда таким не занимался! Это не опасно?

– Это отлично! Если раскопаю – ценный подарок, звание, больше денег. Понимаешь?

– А кого убили-то?

– Еще не знаю, завтра с утра получаю бумаги... Мне только вечером сообщили.

Ира кивнула. Ее серые глаза посмотрели на мужа с любовью и жалостью. Ей трудно было представить, что такому щуплому, невзрачному, но такому любимому мужчине поручили расследовать настоящее убийство. Вон в кино те, что за убийцами гоняются, всегда крепкие, накачанные, высокие или коренастые. А в жизни, выходит, все не так.

Последняя мысль ей понравилась, и она повторила про себя: «А в жизни все не так!»

Из комнаты донесся детский плач.

Ира спохватилась.

– Поставь чайник, а я пока ее покормлю.

* * *

– Сколько у тебя дел в производстве? – спросил утром Виктора шеф.

– Двадцать семь.

– Что-нибудь серьезное есть?

– Семь ограблений в лифте, четыре квартирных кражи, поджог коммерческого киоска, остальное – мелочи...

– Завтра получаем стажеров из высшей школы милиции, передашь все им. Пять человек прибудет, можешь одного выбрать себе в помощники.

Виктор стоял перед заваленным бумагами столом, за которым сидел в крутящемся офисном кресле Леонид Иваныч, он же майор Крысько, он же между своими – Крыса, однако с уважением и почти с любовью.

Майор в пятьдесят пять – и до смерти майор. Иными словами, из породы вечных майоров, которым совершенно наплевать на свое будущее. У Леонида Иваныча его наплевательство в сторону будущего выразалось в вечной непричесанности, да и брился он нерегулярно. Трудно сказать, следил бы он за собою лучше, если бы получил подполковника. Скорее всего нет. В этом возрасте уже не изменяют привычкам или их отсутствию.

– Ну ладно, держи дело, просмотри, потом зайдешь ко мне! – сказал он усталым голосом и кивнул Виктору на дверь.

С папкой в руках Виктор зашел в свой кабинетик с треснутым стеклом окна, через которое в ветреное время просачивался мощный сквозняк. В кабинете уселся за свой стол. Бросил взгляд на два пустых стола, стоявшие под стенкой. Хозяин одного из них уже никогда сюда не зайдет – сейчас сам под следствием. Второй – в командировке. Так что можно спокойно посидеть в тишине, сосредоточиться.

Дело начиналось с нескольких фотоснимков хорошо одетого трупа с явно передавленной канатом или веревкой шеей. Рассмотрев снимки, Виктор углубился в сопутствующие фотографии бумаги.

Постепенно до него дошло, что он уже слышал шепотом об этом случае от своего приятеля Димы Ракина, перешедшего в спецотдел «Ф». Вчера утром Дима забегал к ним на пять минут – было у него какое-то дело к шефу. Потом, выйдя от Крысы в хорошем настроении, он и сказал Виктору, что сейчас вся СБУ на ушах: какой-то отставной генерал, советник президента, отправился в «посмертное» одиночное воздухоплавание. Виктор уже не помнил точно слова Димы. Может быть, он сказал не «отправился», а «отправили»? Вчера это и значения не имело, а сегодня все изменилось.

Отложив бумаги, Виктор попробовал вспомнить слово в слово то, что говорил вчера Дима.

В дверь кабинета постучали.

– Да, – крикнул Виктор.

Вошел шеф.

– Ну как, ознакомился?

– Нет еще, – признался Виктор.

Шеф прошел к его столу, взял из-за другого стола стул, уселся напротив.

– Что, неужели никаких вопросов нет? – спросил озабоченно.

– Я еще не дочитал, Леонид Иванович.

– Странно. А по ходу чтения вопросов не возникало, да? А у меня возникли.

– Ко мне? – удивился Виктор.

– Нет, к кому-то третьему. К тому, кто решил это дело сюда отфутболить... У тебя здесь кипятильник есть?

Виктор кивнул.

– Сделай-ка чаю и давай вместе порассуждаем!

За чаем в основном рассуждал майор. Правда, рассуждал он очень вопросительно и все время смотрел в глаза Виктору.

– Во-первых, дело слишком свежее, чтобы готовить его в разряд бесперспективных. Вторых – правительственный труп. Тут, по логике вещей, должна быть целая бригада с важняком во главе. А что мы имеем? Дело из СБУ передают в наш район! Формально причина есть – горка, с которой взлетел генерал на дирижабле, находится в нашем районе. Приземлился, правда, он в соседнем. Но это роли не играет. Газеты о деле еще ничего не написали, даже некролога. Значит, кто-то информацию придушил. Это и нам сигнал – никому из журналистов о деле говорить не стоит. Понятно?

Виктор кивнул.

– Ну а теперь подумай сам: почему приказали дело передать тебе?

– Лично мне? – удивился Виктор.

– Да, позвонили и назвали твою фамилию... У тебя что, связи большие?

Виктор задумался.

– Так ведь в таких делах связи нужно использовать, чтобы подальше от всего этого держаться.

– Может, Дима? – произнес вслух Виктор.

– Что?

– Может, Дима Ракин меня посоветовал? Он ведь после перехода в спецотдел к нам несколько раз заглядывал...

Виктор уставился в глаза майору, словно ожидал сейчас же получить твердый ответ на свое предположение.

– Ты же с ним дружил, – кивнул Леонид Иванович. – Вот найди его и разузнай. По крайней мере спроси, как лучше все делать... Ладно, засиделся я у тебя. Дочитай дело, потом можешь ко мне зайти.

Виктор снова остался один. Майор умело и безжалостно разрушил его фантазии относительно причин и последствий появления у него в производстве дела о «летающем» генерале. Теперь стало грустно. С совсем уже другим чувством открыл Виктор папку. Уткнул взгляд в напечатанный на машинке текст. Читать не хотелось, и Виктор вернулся к фотографиям. Разложил их перед собой на столе. Откинулся на спинку стула и, повернув голову, бросил взгляд в окно, в квадратный серый городской пейзаж, по которому диагонально проходила трещина стекла.

4

Раннее золотое утро вернуло Ника на несколько минут в детство – солнечные лучи пробивали насквозь легкую занавесочку на окне спальни и своим теплом гладили кожу на его лице, дотрагивались нежно до век. Еще не раскрыв глаза, он зажмурился и вспомнил, точнее даже не сам вспомнил, а кожа, лицо вспомнили утреннее пробуждающее тепло солнечных лучей в домике бабушки под Житомиром. Там его кровать стояла прямо под окном – так же, как и здесь.

Он поднял руку, закрывая глаза от проникающего солнечного света. Ощутил на запястье холодный металл – забыл вечером снять часы. Ну что ж, очень кстати. Было самое время взглянуть на циферблат. Шесть тридцать. Вокруг – санаторная тишина.

Ник поднялся, принял душ, побрился. Заглянул в заботливо заполненный чужими руками холодильник – сыр, колбаса, овощи, в дверце с внутренней стороны – три яйца. Как раз на хорошую яичницу. Подумал о Тане с Володькой. Как они там сейчас? Что едят? Из полученных за квартиру шести тысяч зеленых он оставил им одну тысячу, но просил быть поэкономнее. Деньги им будут нужнее здесь.

Позавтракав, оделся и вышел. Запомнив свой домик, прогулялся по тропинкам и дорожкам, выбрал случайно к воротам, возле которых дремал, сидя на стуле, солдатик без оружия.

То, что солдат был без оружия, как-то особенно порадовало Ника. Мирная страна – Украина. В Таджикистане такого быть не могло. Не зря он сюда приехал.

Полюбовавшись дремавшим солдатиком, он развернулся и направился в противоположную сторону. Вышел к небольшому обрывчику, с которого открылся замечательный вид: извилистая речка, ивы над водой, утки.

Посмотрев по сторонам, он заметил справа ступеньки вниз. Спустился возле маленького понтона, к которому были привязаны несколько лодок. Вдоль берега бежала тропинка. Ник медленно прогуливался по ней, наслаждаясь свежестью утреннего речного воздуха. Вышел к забору из металлической сетки и к удивлению своему увидел в нем большую дырку как раз в том месте, где забор пересекал тропинку. Опять далеким выстрелом память вынесла на поверхность совсем другой забор, из колючей проволоки. Таджикский забор, в котором любая дырка могла привести к очередной смерти.

Нагнувшись, он шагнул в дырку и продолжил свой путь.

Остановился, увидев на берегу рыбака – высокого мужчину в ватнике и спортивных штанах с вытянутыми коленками. Перевел взгляд на речку перед рыбаком. Нашел неподвижный поплавок. Сделал еще несколько шагов вперед.

– Клюет? – спросил негромко.

– Клюет, только лениво, – ответил, обернувшись, рыбак.

Никуну вдруг захотелось просто поговорить. О чем угодно.

О рыбе, о погоде, о жизни.

– Вы местный? – спросил он рыбака.

– Да, тут, наверху живу.

– А я только вчера приехал...

– Отдыхаете?

– Да... Тут рядом, в домике. Вы не знаете, где поблизости магазины?

Рыбак усмехнулся.

– Зачем вам магазины, если вы сюда приехали? Гастроном у вас там на территории есть. Еще пару магазинов – в Конче-Заспе, двадцать минут пешком. Вы что, не из Киева?

– Нет, из Таджикистана. Семья еще в Саратове, а я пока один приехал. Осмотреться надо, квартиру подобрать. Сколько в Клеве квартиры стоят?

– По-разному. Однокомнатные от десяти тысяч долларов.

– Сколько? – удивился Ник, и на его лице внезапно появилась растерянность. – Почему так дорого? Я вон свою трехкомнатную в Душанбе за шесть тысяч продал...

Рыбак посмотрел на Ника с сочувствием.

– А вы что, не узнавали, какие здесь цены? Так, наобум приехали?

Ник молчал. Он вдруг понял, что и местных денег у него нет. Только квартирные доллары. Он и спросить у Ивана Львовича не додумался о деньгах, хотя тот еще в Душанбе обещал «подъемные» на обустройство.

– Может, кофе хотите? – неожиданно предложил рыбак. – Клева уже не будет, пойдете к нам...

Пока рыбак сматывал снасти, Ник думал о квартире. Все его планы на будущее в новой стране были прежде всего связаны с добротным жильем. И вдруг совершенно незнакомый человек разбил его планы вдребезги. Разрушил все до основания, а теперь зовет выпить с ним кофе.

«Но ведь это правда, – думал Ник. – То, что он говорит. Чего ему меня обманывать. Значит, столько квартиры здесь и стоят».

А ведь он тогда, в Душанбе, спрашивал у Ивана Львовича о квартирах, о ценах. «Не беспокойся! – сказал тогда Иван Львович. – Все по карману». По какому карману? По чьему?

– Ну так что, выпьете кофейку? – рыбак повторил свой вопрос, уже держа в руках бидончик с пойманной рыбной мелочью и удочку.

– Спасибо. Выпью.

Они поднялись по тропинке на холм. Вошли в калитку. Прошли мимо старого массивного двухэтажного дома.

– Тут моя теща живет, – кивнул на дом рыбак. – А я себе вон построил.

Метрах в восьмидесяти впереди вырос кирпичный трехэтажный красавец-дом.

Ник сразу исполнился зависти и уважения к этому человеку.

– Что, сами построили? – переспросил.

– В основном сам. Иногда брал в помощь то сына, то мужиков из ближних сел.

– Так вы строитель?

– Я? – рыбак усмехнулся. – Нет, я – писатель. Это писательский поселок, ну как Переделкино под Москвой...

– У меня в роду тоже писатель был. По отцовской линии. Я так толком с родством и не разобрался. Сергеев-Ценский.

– Да ну! Значит, не зря вас сюда занесло! Он же, кажется, в Крыму жил, в Украине!

Зашли в дом. Сразу попали в просторную кухню со старинным кожаным диваном со вспученным пружинным сиденьем и высокой деревянной спинкой, оканчивающейся зеркалом.

Перед диваном стоял длинный сосновый стол.

– Садитесь! – кивнул рыбак. – Я сейчас.

Ник уселся, провел ладонью по гладкой столешнице.

– Это тоже моя работа, – оглянувшись, сказал рыбак.

Он зажег плиту. Зажужжала кофемолка в его руках.

По деревянным ступенькам лестницы спустилась сонная женщина в ночной рубашке. Спустилась, уставилась непонимающе на Ника, потом на хозяина.

– Валя, ты что, не один? Ой! – Она поднялась обратно и минут через пять спустилась уже в халате.

– Это моя жена – Света. Да, а меня – Валентин...

– Ник, – представился гость. – Извините, я не хотел вас потревожить...

– Я его на кофе позвал, – объяснил Валентин своей жене. – Из Душанбе приехал...

– Мне тоже свари, – попросила Света.

«Красивая женщина», – подумал Ник, глядя на жену Валентина. Изящная, высокая, большеглазая. Что-то аристократическое в ней есть.

Вспомнил о своей Тане. Она для него тоже была красивая, но ее красота была приземленная, крестьянская. Это не хуже и не лучше. Это просто две разных красоты...

Потом они сидели за сосновым столом. Света пила кофе и терла глаза. Зевала.

– Мы вчера легли поздно, – объяснил Валентин. – Друзья из Киева приезжали. До двух сидели, пили. Я, когда выпью, просыпаюсь в пять-полшестого. И все. Поэтому – сразу на речку с удочкой.

– Сколько сегодня поймал? – спросила жена.

– Семь красноперок.

Она усмехнулась.

Там же Ник и позавтракал второй раз, после чего почувствовал, что засиделся в хлебо-сольном доме. Пора и честь знать.

– Вы еще приходите, если скучно будет, – сказал на прощание Валентин.

5

На пороге домика Ника встретил взволнованный Иван Львович.

– Я уж думал, что-то случилось, – запричитал он, забыв поздороваться. – Стучу-стучу, а никто не открывает. Думаю, не может же человек так крепко спать...

– А я думал, что вы только через пару дней приедете! – сказал Ник, доставая из кармана ключ.

– Я тоже так думал, но обстоятельства... Иногда они меняются слишком быстро. Главное – успевать реагировать... Я сейчас чайник поставлю, а вы присядьте за стол и попробуйте сосредоточиться. У нас будет очень серьезный разговор...

Ник послушно прошел в гостиную, уселся за стол.

– Кто-то из коллег под меня копает, – Иван Львович расположился напротив. – Я поэтому сегодня без шофера, своим ходом. Дома «жучка» нашел на кухне, за батареей... Вы, надеюсь, здесь ни с кем не знакомились?

– Нет, – ответил Ник и почувствовал себя «по-офицерски неловко», сказав неправду.

– И не надо. Видимо, дела сейчас пойдут быстрее. Нам надо спешить... Короче, отдохнуть после дороги вам не удастся...

Из кухни донеслось шипение вскипевшего чайника. Иван Львович словно спохватился, быстро выбрался из-за стола. Вернулся с чаем.

Ник заметил, как у полковника дрожат руки. «Старость или нервы», – решил он.

– Так, – Иван Львович перевел дух, снова устроившись на стуле. Глотнул чаю, обжегся, отставил чашку в сторону. – Мы, честно говоря, не собирались сразу вводить вас в курс дел. По крайней мере полностью. Но придется. Дело в том, что наш бывший КГБ стоит на пороге реформ, которые очень многим не нравятся. Но главное – у нас есть «добро» президента и нескольких важных людей наверху. Реформа первая и самая важная – это создание Федерального бюро по принципу американского ФБР. Собственно, нам необходимо иметь две службы вместо одной, чтобы легче было контролировать лояльность и полную подотчетность правительству обеих служб. Парламент зарубил наши официальные попытки создать ФБУ – им это невыгодно. Многие головы просто полетят, ведь у СБУ есть компромат на сотни и тысячи людей, но пока они монополисты – то могут просто использовать компромат в своих интересах, считая, что их интересы и есть интересы государства. Двойной монополии на компромат не бывает, а учитывая, что ФБУ появится как бы изнутри СБУ, эта монополия естественным образом разрушится. Понимаете?

Ник кивнул.

– В чем теперь проблема? – продолжил Иван Львович. – В том, что для создания ФБУ просто нет средств. Очень смешно, но, увы, слишком серьезно, чтобы относиться к этому с юмором. Я – гэбист старой школы, и мне, поверьте, больно смотреть, как засоряются наши ряды. Приходят люди с улицы без всяких принципов. В лучшем случае – в надежде на карьеру, в худшем – рассчитывая на использование крышки ГБ в личных целях. Если наши планы осуществятся, то разница между чистотой рядов ФБУ и СБУ будет такая же, как раньше между КГБ и милицией. И соответственно можно будет гарантировать безопасность государственных интересов. Вы думаете, что раньше можно было совершить покушение на премьер-министра и остаться безнаказанным? Или расстрелять в аэропорту депутата и спокойно уехать на машине? Нет. Такого раньше быть не могло.

Иван Львович поднес чашку к губам, подул на чай, сделал глоток.

– Все, что я вам сейчас говорю, должно остаться строго между нами. Не только потому, что мы вас уже считаем нашим сотрудником. Владение этой информацией просто опасно – она намного сильнее и вас, и меня. Она может убить мгновенно. Надеюсь, вы понимаете. Государ-

ственные интересы – über alles – превыше всего. Можно сказать, что им все человеческое – чуждо. Для сантиментов и эмоций просто нет места. Здесь служба, творческое, но в то же время механическое исполнение заданий, точнейший расчет, полное презрение к любым сомнениям. Эти правила действуют во всех службах мира, и мы здесь не исключение. Теперь о средствах, которых нет. Вы, наверно, знаете, что случилось с общей советской собственностью за рубежом. Ее забрала Россия. Объявила себя наследницей великого и неделимого. Но был еще один великий и неделимый, который обладал еще большим количеством собственности и вложений за рубежом, – КГБ. Об этой собственности никто ничего не слышал. Несколько моих коллег из разных бывших республик пытались поднять этот вопрос на официальном уровне, и в результате я даже не смог поехать на их похороны. Мне просто «не посоветовали» ехать. Дело щекотливое, и на государственном уровне никто им заниматься не хочет. Хотя, по самым скромным подсчетам, на долю СБУ, если б эту собственность делили по-честному, а не «по-братски», пришлось бы не меньше миллиарда долларов. Думаю, вам трудно представить количество нулей в этой сумме. Дело в том, что в основном это «живая» собственность: банки, фирмы, заводы, даже гостиницы – по крайней мере одна из них в Швейцарии. Все это создавалось на деньги из оперативного бюджета и потом уже развивалось само собой, принося доход и даже финансируя отдельные операции. Если нам удастся получить хотя бы один процент от этой суммы – мы сможем не только развернуться, но и начать по-настоящему работать. На сегодня я вас больше нагружать не буду. Подумайте об услышанном, проанализируйте. Расслабляться вам уже нет смысла, впереди – работа.

– А какая именно работа будет у меня? – спросил Ник, задумчиво покусывая губы.

– Об этом позже. Может, у вас есть другие вопросы, на которые я смогу ответить?

– Да, насчет квартиры и моей семьи. Когда они смогут приехать?

– Думаю, с этим надо повременить. Во-первых, вы же хотите, чтобы у семьи была хорошая квартира, а денег у вас едва ли хватит на одну комнату в коммуналке...

– Но вы же говорили, что квартира будет «по карману»!

– Я же не говорил, что по вашему карману. По карману ФБУ, когда мы начнем работать, то есть когда появятся средства. Пока вы можете жить здесь совершенно бесплатно.

– Но я ведь отправил сюда контейнер с вещами... Он скоро придет.

– Ничего страшного. Никуда он не денется. Полежит на таможенном складе месяц-другой. Мы даже заплатим за хранение... Ну, я вижу, вы утомились. Полежите, подумайте, а я пойду прогуляюсь. Вернусь часика через три.

Ник остался один. Тишина, вернувшаяся в дом после ухода Ивана Львовича, показалась ему неуютной и тревожной. Будущее покрылось туманом.

Обещанная служба не пугала, нет. В предложении полковника он прежде всего почувствовал доверие к себе. Такое доверие льстило. Лыстил даже сам тот факт, что выбор полковника пал именно на него и это совпало с его попытками выбраться из желтого Таджикистана. Теперь уже казалось, что та встреча на выходе из управления погранвойск не была случайной. Теперь уже не верилось, что случайность может так много изменить в жизни. Огорчала только продлевающаяся разлука с семьей, тревога за них, живущих на даче у родни в Саратове. Как они там? Что едят? Что делают? Вспоминают ли его? Ждут ли от него вестей?

Конечно, ждут. В этом было бы глупо сомневаться.

Ник прилег на диван. Закрыв глаза. Подумал о том, что в июле ему исполнится сорок лет. Хорошо бы отпраздновать вместе с семьей. Может, придется слетать ради этого в Саратов? Ведь ясно, что за полтора месяца вопрос с квартирой не решится.

6

С Димой Ракиным Виктор встретился даже раньше, чем собирался. Просто наткнулся на него, выйдя на улицу вдохнуть свежего воздуха.

– Ты куда это в рабочее время? – угрожающе-шутливо спросил Дима вместо приветствия.

– Как раз тебя ищу, – признался Виктор.

– Шутишь! Зачем я тебе нужен?

– Не шучу, – совершенно серьезным тоном произнес Виктор, и усмешка на лице приятеля и бывшего коллеги спряталась, исчезла за сомкнувшимися тонкими губами.

– Ну, если не шутишь, пойдём где-нибудь присядем! – предложил Дима.

Молча они дошли до подвального бара «Седой кот», спустились по ступенькам.

В баре было безлюдно и даже за стойкой никто не стоял в ожидании клиентов. Пришлось Диме достать из кармана брюк монетку и постучать ею по мраморной стойке. На цокающий металлический звук выглянула миловидная девушка с лицом, перегруженным косметикой.

Уселись они в углу за круглый столик с мраморной столешницей. Мрамор был настолько холодным, что, случайно дотронувшись до него, Виктор тотчас отдернул руку. В баре было прохладно, и прохлада эта после светившего на улице жаркого солнца казалась настоящим холодом.

Словно в подтверждение этих ощущений Виктора за стойкой кашлянула молодая барменша.

– Ну, рассказывай. – Дима уставился хитроватым взглядом на Виктора.

– Что рассказывать, ты, наверное, знаешь. Я дело получил. Убийство...

– Поздравляю! Есть возможность отличиться!

– Не уверен, – задумчиво произнес Виктор.

– Почему? – наигранно удивился Дима.

Виктор глотнул кофе.

– Понимаешь, – сказал он. – Похоже, что кто-то хочет меня подставить. У меня же в производстве только мелочи были, а тут – убийство генерала, советника президента. И именно мне!..

Виктор посмотрел на Диму умным вопросительным взглядом.

– Сам допер, или Крыса растолковал? – спросил после паузы Дима.

– Сам бы допер, наверно, чуть позже... – признался Виктор. – Но что это меняет?

– Ничего не меняет, – кивнул Дима. – Ставки те же, лошади тоже.

Он достал из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет. Закурил.

– Это я тебя посоветовал, – негромко между двумя затяжками проговорил Дима. – Я тебе все объясню... Нет, пожалуй, не все... Надо быть честным. Я всего и знать не могу...

Дима машинально «втоптал» недокуренную сигарету в стеклянную пепельницу и тут же достал из пачки вторую. Снова закурил.

Виктор допил кофе. Сходил к стойке, взял еще чашечку.

Молчание длилось минут пять.

– Так ты мне что-то объяснишь? – спросил наконец Виктор.

– Да, – очнулся Дима и вмял в пепельницу вторую сигарету. – Дело перебросили тебе, чтобы легче было отслеживать попутные процессы.

– Какие процессы?

– Которые идут обычно попутно со следствием. Процессы давления, вмешательства, подбрасывания анонимной информации и так далее. Ты не бойся, это нормальная работа, и если справишься – можешь оказаться совсем в другом месте и кабинет у тебя будет теплый и без битых стекол... Ты дело уже читал?

– Да.

– Ну так вперед и с песней!

– А ты уверен, что это дело можно будет довести до конца?

– Это зависит от конца, – грустно усмехнулся Дима. – Но ты не беспокойся, тебя одного не оставят, будут помогать, советовать. Сам все поймешь! Если что – звони!

Виктор спрятал визитку Димы в карман, кивнул вместо «спасибо».

После подвального бара было вдвойне приятно оказаться на солнечной стороне улицы.

– Тебе тут из министерства звонили! – встретил Виктора в райотделе майор Крысько и подмигнул. – Теперь надо с тобой поосторожнее, ты ведь шишкой заделался? Да?..

– Да ну вас! – В сердцах Виктор махнул рукой. – Какой шишкой? Еще повезет, если только шишками отделаюсь от всего этого!

– Не бойся, кирпич на голову уже не упадет! Ты теперь на колесах!

– На каких?

– Через час пригонят, – Леонид Иваныч кивнул с ухмылочкой. – Укртрансбанк выделил МВД десять «мазд» в качестве спонсорской помощи. Одна – твоя! Вот тебе и демократия в действии. Оно и правда, зачем генералам по две «мазды». Некрасиво! Сам-то что-то выяснил? Или так прогуливался?

– Выяснил, – выдохнул Виктор. – Теперь...

– Выяснил, и хорошо, – перебил его майор. – А мне рассказывать не надо. Это тебе оказано высокое доверие, а не мне... Кстати, там у меня в кабинете стажеры маются, пойдём, посмотрим на них.

Стажеры – пятеро худощавых парней в милицейской форме – показались Виктору на одно лицо. Все бледноватые, прыщеватые, настороженные. «Лицо поколения», – подумал Виктор, присматриваясь к ним и пытаясь найти особые приметы, благодаря которым можно было бы хоть что-то сказать о характере парней.

– Ну что, готовы к службе? – бодрым голосом спросил их майор.

– Так точно, – немного в разнобой и без энтузиазма ответили они.

Майор повернулся к Виктору и многозначительно ухмыльнулся.

– Лейтенант Слуцкий проведет с вами беседу и передаст вам дела. Потом со всеми вопросами будете обращаться ко мне. За глупые вопросы буду наказывать лишением пайка! Все!

Майор еще раз ухмыльнулся Виктору и вышел, оставив его со стажерами в своем кабинете.

Виктор растерялся. Он сглотнул слюну, лихорадочно думая, что за беседу проводить с этими новичками.

– Сейчас я принесу дела, – проговорил Виктор и рванул вслед за майором, оставив стажеров дожидаться обещанной беседы.

– Леонид Иваныч, о чем мне с ними беседовать? – спросил он, догнав майора. – Вы же ничего не говорили!

– Положено провести беседу! Не мне же, старому цинику, говорить им о кристальной честности, порядочности, долге. Набросай им несколько лозунгов, передай дела и определись, кого возьмешь в помощники. Только особенно на такого помощника не рассчитывай. Разве что кофе сварит или за пивом сбегает. Иди!

С беседой Виктор уложился в три минуты. Судя по тому, как стажеры его слушали, говорить дольше не имело смысла. Потом он разложил на столе дела. Взял бумагу с фамилиями стажеров. Полищук, Петров, Плачинда, Ковинько, Иванов. Каждый получил по несколько папок с делами.

– Вопросы есть? – спросил Виктор.

– Да, на квартучет где можно стать? – спросил один из них, но по тому, как все пятеро уставились на Виктора, он понял, что вопрос общий.

- Это к майору, – спокойно сказал Виктор. – Кабинеты вам выделили?
- Один на всех, – ответил кто-то.
- Идите, начинайте работать.

Оставшись один в кабинете майора, Виктор подошел к окну. С высоты второго этажа город казался удивительно мирным и зеленым. С улицы доносились крики ребятни. Лето вступало в разгар, и пускай по календарю оно только-только начиналось, ему-то, лету, на календарь было наплевать.

- Ну что, кого берешь в помощники? – донесся из-за спины голос майора.
- Пока никого, – обернулся Виктор. – Присмотрюсь...

– Я там приказал, чтобы из твоего кабинета лишние столы убрали... Через минут двадцать привезут результаты вскрытия, так что никуда не уходи!

– Вскрытия?

– Ну да, а ты что, думаешь, что мертвых генералов не вскрывают? Давай, иди к себе, а то пригрелся в моем кабинете!

Тон майора был шутливым, но в его шутливости присутствовала усталость.

Виктор поспешно вышел.

Усевшись за своим столом, раскрыл папку и, пролистав фотоснимки, снова погрузился в машинописный текст.

«Броницкий Вадим Александрович, 1950 года рождения, родился в с. Кресты Донецкой области. Женат, имеет одного сына. Адрес: Киев, ул. Суворова, 26, кв. 133».

Внимательно перечитав вводный текст, Виктор к своему удивлению заметил, что нигде не упоминалось о службе и месте работы покойного. Пока думал, глядя через треснутое стекло на окрашенную ярким солнцем листву деревьев, на столе хрипло звякнул телефон.

– Зайди ко мне, – попросил майор.

Виктор зашел.

Человек в штатском, представившийся Кудряшовым, протянул Виктору прозрачную полиэтиленовую папку с бумагами и ключи от машины.

– Только спешить не надо, а то машина мощная, не справитесь, – сказал человек в штатском. – Вы же только «запорожец» водили?

– Да.

Человек в штатском согласно кивнул, потом бросил взгляд на сидевшего за своим столом майора и вышел.

Леонид Иваныч развел руками.

– Работай! – сказал он. – Высокое доверие требует осторожности! Главное – не спешить!

А за треснутым окном приближался ранний вечер. Виктор вскипятил себе чаю. Прочитал результаты вскрытия – смерть от сердечного приступа. Пожал плечами. С такой бумажкой дело можно перевести под другую статью – злостное хулиганство. Надругательство над трупом... Как-то все это странно выглядело: человек сам умер, кто-то его подобрал, привязал за шею к рекламному дирижаблю и отправил в небо...

Сверху на результате вскрытия стоял номер телефона и адрес лаборатории судмедэкспертизы. Подпись судмедэксперта не читалась – такую закорючку мог поставить человек с любой фамилией.

Тяжело вздохнув, Виктор посмотрел на часы – полседьмого. В лаборатории уже никого нет, и на его вопросы, пожалуй, до завтра не ответят. Он сложил все бумаги обратно в папку, взял ключи от машины.

Красная «мазда» стояла слева от входа. Возле нее прогуливался сержант с «Калашниковым» – охрана райотдела.

– Ничего машинка! – одобрительно сказал он Виктору, открывавшему дверцу ключом. – У вас же центральный замок! – добавил он, присмотревшись.

С видом знатока он взял у Виктора ключи, показал на две кнопки брелока-дистанционки. Нажал пару раз, с улыбочкой наблюдая, как послушно щелкает машина дверными замочками. Потом вернул ключи Виктору.

В салоне пахло дезодорантом. Виктор вел машину осторожно, внимательно следя в оба зеркала заднего вида. Несколько раз ему посигналили раздраженные его медленной ездой иномарки, но это не заставило его ехать быстрее.

На Южном мосту он пристроился в хвост такого же медлительного «фольксвагена» и не спеша покатыл за ним со скоростью шестьдесят километров в час.

Вдруг чужеродный звук заставил его дернуться. Мягкая телефонная трель доносилась из ниши под магнитолой. Виктор сунул туда руку и вытащил мобильный телефон. Подержал перед собой, рассматривая его и слушая повторяющуюся трель. Интуиция подсказала нажать на зеленую кнопку.

– Ну как машина? – спросил незнакомый мужской голос.

– Класс, – ответил Виктор. – А кто это?

– Георгий. Георгий Георгиевич, но мы будем на ты. Так проще. Я позвонил только познакомиться, пора уже. Фильмы про американских полисменов любишь?

– Да.

– Там они всегда вдвоем работают. В «Крепком орешке» и в других. Напарники. Я буду твоим напарником...

– Когда? – ошарашенно спросил Виктор.

– Уже, – ответил мужской голос. – Так что привыкай к мысли, что ты не один. Тебе же легче будет. И безопаснее... Понял?

– Не совсем...

– Это не страшно. Мой мобильный – 240-80-90. Запомни. Кстати, бумаги о вскрытии уже прочитал?

– Да.

– Я б тебе советовал завтра подъехать туда и поговорить с экспертом...

– Я и так собирался.

– Молодец! Светлая голова! – произнес мужской голос. – Телефон в машине не оставляй!

Пока!

Подъехав к дому, Виктор вспомнил, что не взял на работе паек. Настроение сразу рухнуло. Хоть и время не позднее, но хозотдел уже на замке, и никто ему не выдаст в обмен на подпись обещанный кулек с продуктами.

7

Иван Львович вернулся позже, чем обещал. Сказал, что встретил знакомого и засиделся с ним в баре. Оказывается, этот бар был совсем рядом. Упоминание подтолкнуло Ника к вопросу о деньгах.

– Конечно, конечно. Вот! Я просто забыл, – Иван Львович вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул Нику. – Тут двести гривен. На первое время. Не стесняйтесь, тратьте. Собственно, почему бы нам с вами не вернуться в бар. Я угощаю! Только буквально два слова сначала. Во-первых, если вы боитесь работы, которую я вам предложил, можно сделать шаг назад. То есть вам придется вернуться в Саратов и дальше решать свою судьбу самостоятельно. Это, конечно, вас не освобождает от ответственности за обладание полученной информацией...

– Нет, нет, я согласен... – поспешно вставил Ник, надевая пиджак.

Иван Львович улыбнулся.

– Я знаю, что вы согласны. Мне важно знать, что вы ТВЕРДО согласны, а не вынужденно. От этого ведь зависит результат работы... Ну, тогда пойдем!

На улице было еще светло. Солнце, ушедшее за горизонт, все еще подсвечивало оттуда небо, но белый рожок луны уже висел на нем, ожидая прихода темноты. Еще немного, и он пожелтеет, возвестив вечер.

Они шли не спеша по безлюдной дорожке.

– Здесь что, почти никто не отдыхает? – удивился вслух Ник.

– Почему же. Отдыхают. Просто это место не массового отдыха.

Бар располагался в домике с открытой террасой над обрывом.

– Водка? Пиво? Вино? – спросил Иван Львович.

Во внутреннем зале никого, кроме молоденького бармена, не было. Только на террасе сидели несколько человек.

– Водку, – сказал Ник.

– Два по сто «Княжего кэлыха», бутылочку талой воды и нарежьте лимон.

– Садитесь, я принесу, – бармен услужливо улыбнулся и поправил бабочку на белой рубашке.

Ник и полковник вышли на террасу и уселись за свободный столик. На них никто из посетителей не обратил внимания.

Приятный речной воздух оживил Ника. Он осмотрелся по сторонам. Подумал, что сможет сюда заходить и один – приятное место.

Подошел бармен с подносом, выставил все на столик и бесшумно удалился, словно его специально учили ходить бесшумно.

– Ну, – Иван Львович поднял широкий низкий стаканчик с водкой. – За удачу. За нашу совместную удачу!

Ник выпил все залпом. Только потом заметил, что полковник едва ли отпил четверть.

Видимо, на лицо Ника набежало виноватое выражение, потому что полковник улыбнулся, махнул рукой. Потом поднялся из-за стола.

– Ничего-ничего, – сказал он. – Я сейчас еще закажу.

Луна уже пожелтела и висела прямо над террасой. Пришла еще одна пара посетителей, но они с бокалами в руках стали у бортика и смотрели теперь на речку. Атмосфера была полна романтики.

– Привезете жену, приведете сюда, тоже вот так постоите, – кивнул на них Иван Львович. – Очень душевно. Мне, старику, уже не до лунного света. Хотя по сто грамм я еще могу...

Ник поднес свой стакан ко рту, отпил немного. И вдруг негромкая трель прозвенела где-то совсем рядом. Он оглянулся по сторонам, не понимая, откуда она доносится. Потом увидел, как Иван Львович достал из кармана мобильный телефон, поднес к уху. Сказал в трубку «сейчас» и, поднявшись, отошел в сторону.

– Да, слушаю... да... – доносился до Ника голос полковника. – Хорошо... сейчас двадцать один сорок пять. Понял.

Вернувшись за стол, Иван Львович первым делом бросил себе в рот кружок лимона. Потом спрятал мобильный в боковой карман. Сделал глоток водки и только после этого посмотрел на Ника.

– Обороты набираются, – произнес он как-то устало. – Куда спешить? Эта молодежь, за ней не угонишься! Ладно... Через полчаса поедem в город.

– Зачем? – спросил Ник и тут же получил в ответ строгий и холодный взгляд, словно говоривший: «Приказы не обсуждают».

Полковник посмотрел на часы. Бросил себе в рот еще один кружок лимона.

– Ты кино любишь? – спросил он вдруг более-менее дружелюбно.

– Люблю.

– Ну так увидишь.

8

Темно-синий БМВ вез их по пустынным улицам Киева. Шофер спешил, пронесился стрелой на желтый, а иногда уже и на красный свет.

Они выскочили к Филармонии и покатались вниз по Владимирскому спуску.

Остановились в каком-то подольском переулке.

– Жди здесь, – приказал шоферу Иван Львович.

Уличные фонари не светили, и только оконный желтый свет жидко падал на неровный асфальт переулка.

– Быстрее, быстрее! – торопил Ника полковник.

Они повернули за угол. Метрах в ста впереди стоял грузовой микроавтобус. По тому, как целеустремленно направился к нему Иван Львович, Ник понял, что они уже прибыли на место.

На боковой стене микроавтобуса большим шрифтом было написано «Мюллер лтд. Подвесные потолки».

Иван Львович подошел к водительскому окошку, кивнул кому-то, потом отошел к задним дверям. Обернулся на стоявшего метрах в пяти Ника.

Дверца открылась, и они быстро забрались внутрь.

Внутренности микроавтобуса больше напоминали телевизионную студию на колесах – три монитора, приборы с датчиками, тумблеры, компьютерная клавиатура.

– Садись, – полковник передал Нику раскладной рыбацкий стульчик. – Садись и смотри! – Он показал рукой на тройку подвешенных мониторов.

На одном Ник увидел коридор чьей-то квартиры. Обычный коридор с вешалкой на стене, с зеркалом, с внутренней стороной входной двери. Второй монитор показывал просторную кухню с круглым столом, огромным трехкамерным холодильником и прочей роскошью, которую Ник видел до этого только в редких западных журналах, добравшихся до Душанбе. На третьем мониторе в кресле-качалке сидел мужчина лет пятидесяти. Правда, сидел он как-то неловко, нерасслабленно. Присмотревшись, Ник понял, что мужчина привязан к креслу. Руки к подлокотникам, ноги – к переднему саночному изгибу дерева. Брезентовый вещевой ремень прижимал его к спинке кресла.

Ник оглянулся на полковника, но тот внимательно смотрел на мониторы. Кроме них за мониторами следил молодой парень лет тридцати, который их и впустил вовнутрь.

На левом «коридорном» мониторе открылась дверь то ли в ванную, то ли в туалет. В коридор вышел невысокий парень в джинсах и футболке с какой-то надписью. На плече у него болталась сумка. Он постоял перед зеркалом, рассматривая себя, потом сосредоточенно улыбнулся и пошел навстречу камере, передававшей изображение на монитор. Исчезнув из коридора, он появился в комнате. Достал из сумки кассету, подошел к музыкальному центру. Встал ее. Приблизился к привязанному к креслу-качалке мужчине.

– Звук идет? – спросил Иван Львович, не отрываясь от монитора.

– Идет, – ответил парень за пультом.

– Громче можешь сделать?

В салоне микроавтобуса раздалось шипение и на его фоне – ритмичные частые удары.

– Я ни при чем, – раздался слабый голос привязанного к креслу-качалке мужчины. – Меня подставили.

– Всех время от времени подставляют, – ответил парень, стоявший перед ним.

Потом он опустил на корточки. Раскрыл свою сумку и вытащил из нее какое-то устройство с торчащими проводками. К проводкам присоединил еще какую-то деталь, потом посмотрел на часы и, задвинув устройство под кресло, поднялся на ноги. Оглянулся на музыкальный центр.

– Может, громче сделать? – спросил связанного и, не дожидаясь ответа, подошел и добавил громкость.

Теперь частые ритмичные удары зазвучали сильнее.

– Что это? – спросил Ник.

– Запись сердечного ритма, – не оборачиваясь, ответил Иван Львович.

Тем временем парень перешел из «комнатного» монитора в «кухонный». Достал из холодильника колбасу, нарезал хлеба, сделал себе кофе. Вел он себя совершенно спокойно, как хозяин. Только время от времени посматривал на свои часы.

Мужчина в комнате раскачивал кресло-качалку. Должно быть, пытался освободиться, но ничего у него не получалось.

– Кофе есть? – спросил Иван Львович, следя за «кухонным» монитором.

Парень за пультом наклонился и подал полковнику термос. Тот налил себе, выпил. Потом снова налил в пластмассовую чашечку-крышку и протянул Нику.

Их взгляды встретились, и Иван Львович, кивнув на «кухонный» монитор, спросил: – Ну как тебе кино?

Ник пожал плечами. Он на самом деле мало что понимал в увиденном.

– Ты за парнем наблюдай, – сказал полковник. – Сергей Владимирович Сахно. Тридцать три года. Интересный тип. С биографией. Тоже бывший офицер, сапер. Комиссовался, когда его беременная подруга погибла. Психика неустойчивая. Ему подбросили виновного в смерти подруги. Вот тебе и кино.

– А что это за кассета, которую он в магнитофон вставил?

– Запись сердца ребенка в утробе матери. Сейчас такое делают. Мода. Фотографии с помощью ультразвука, запись ритма сердца... В мое время у родившегося ребенка отрезали клочок волос и хранили в конверте на память, а теперь с новой техникой каждый сходит с ума по-своему! Стоп!

Иван Львович, сам себя остановив, уставился в «кухонный» монитор.

Сергей Сахно – теперь Ник уже знал, как зовут этого парня, – посмотрел в очередной раз на часы и, оставив недоеденный бутерброд на столе, заспешил, засобиравшись. Быстро заглянул в комнату. Улыбнулся, увидев качающегося в кресле пленника. Подошел к музыкальному центру и врубил кассету на полную громкость. После этого вышел в коридор и, еще раз посмотрев на себя в зеркало, направился к входной двери.

Нику вдруг все стало более-менее понятно. Понятно было и то, что под креслом-качалкой Сергей Сахно оставил взрывное устройство с часовым механизмом.

– Мину успеют обезвредить? – напряженно спросил он, обернувшись к полковнику.

– Зачем? – удивился тот.

– Как зачем? Он же погибнет! – Ник кивнул на «комнатный» монитор.

– Да, – кивнул полковник. – Погибнет. Потому что нас здесь нет, понимаешь? Мы ничего этого не видели. С другой стороны дома стоит другая машина с оборудованием посильнее – это они за всем следят, все контролируют и дают всему произойти. А мы только подсматриваем. Мы уже свое подсмотрели, и пора отдыхать.

Иван Львович кивнул парню за пультом. Мониторы потухли. Шум, шипение и ритмические удары исчезли. Стало непривычно тихо, и тишина эта вошла в диссонанс с внутренним напряжением Ника.

Завелся мотор. Ник почувствовал, как микроавтобус медленно поехал, развернулся, куда-то повернул еще раз, остановился.

– Пошли! – приказал полковник, открывая заднюю дверь.

Перед ними стоял темно-синий БМВ. Как только они пересели туда – микроавтобус уехал.

Мимо проносились спящие дома большого города. Светофоры мигали желтым светом, давая ночному транспорту полную свободу и не беря на себя никакой ответственности за предоставление этой свободы.

Ник сидел в подавленном состоянии. В голове звучала запись частых ударов сердца неродившегося ребенка. Перед глазами связанный пленник раскачивал кресло-качалку, пытаясь, по всей видимости, перевернуться.

– Неужели нельзя было наказать его по-другому? – спросил Ник.

– Кого?

– Связанного...

– А за что его наказывать? Он никого не убивал.

Ник непонимающе уставился в глаза Ивану Львовичу. Мягкий свет в салоне машины создавал обманчивую прозрачность. Нику были видны глаза полковника, но не было видно зрачков.

– Его подставили... – продолжил после паузы Иван Львович. – Он умер совсем по другой причине. А Сергей Владимирович Сахно – просто топор, которым приводят наказание в исполнение. Кстати, не простой топор... Я тебе не зря приказал наблюдать за ним повнимательнее. Ты с ним скоро встретишься.

– Зачем?

– Тебе предстоит с ним не только встретиться, но и подружиться, хотя это, наверно, будет нелегко. Но начало у вас будет солидное. Ты его спасешь от смерти. Завтра вечером.

– Это что, будет подстроено?

– Нет, завтра вечером он действительно должен умереть. Он ведь одноразовый топор. По крайней мере кое-кто так думает. А я не согласен. Я терпеть не могу ничего одноразового. Все эти пластмассовые вилки-ложки, картонные тарелки. Нет. Это не мое...

– А что будет потом, когда я его спасу? – поинтересовался Ник.

– Начнется работа. Его будут искать. Надо будет перебраться куда-нибудь подальше, залечь, спрятаться. Потом отходить все дальше и дальше отсюда. И главное – тебе не засветится. Пока о тебе никто ничего не знает – ты в полной безопасности...

Дальше они ехали молча. Мимо проносился безжизненный безразличный город. Потом и он остался позади – они ехали мимо пригородных сел, затем по обе стороны шоссе побежал знакомый лес. Зеленые ворота с надписью «26-й км» показались черными.

– Можешь спать до одиннадцати, – сказал на прощание полковник.

9

Яркая луна за кухонным окном освещала землю бледным тусклым светом. В этом свете замершие на ночь недостроенные многоэтажки казались руинами недавно окончившейся войны. С высоты восьмого этажа эта странная панорама выглядела особенно впечатляюще. За недостроенными башнями виднелась сказочная неподвижная деревня, два озера, отражавших лунный свет, несколько одиноких уличных фонарей.

Виктор сидел на кухне с выключенным светом – луны хватало, чтобы видеть, где у чайной чашки ручка, а для того, чтобы размышлять, свет был не нужен.

В тишине квартиры тикали только настенные часы, висевшие на кухне. Показывали полтретьего ночи. Жена и дочь спали. Спал город за кухонным окном, и спала подмятая под себя городом деревня, название которой Виктор не знал.

За последние два дня «знакомство» Виктора с покойным генералом в отставке Броницким углубилось. Правда, этому углублению способствовало другое знакомство – совершенно нормальное – с судмедэкспертом по фамилии Ройтман. После получасового разговора, во время которого Ройтман почему-то защищался, хоть на него никто и не нападал, Виктор наконец узнал некоторые дополнительные сведения о трупe генерала. Умер он, оказывается, скорее всего вечером двадцатого мая, перед этим предварительно плотно и качественно поужинав, запивая чем-то крепким. Ужинал в спешке – плохо прожеванные и не успевшие перевариться куски балыка, салями, блинов с красной икрой все еще были в желудке, когда он отправился в полет. Канат на его шее завязали, когда он уже был мертвым. Причина смерти – обширный инфаркт. Но, уходя в отставку, генерал Броницкий прошел тщательную медкомиссию и был признан полностью здоровым. Ему и было всего сорок семь лет. Пил мало, увлекался байдаркой и охотой.

После поездки в лабораторию судмедэкспертизы Виктор посетил вдову Броницкого. Интеллигентно посидел у нее на кухне. Держала она себя в руках, налила следователю и себе по пятьдесят коньяка, помянули покойного. Посетовала, что еще не похоронили его. «Тело пока не отдают. Сказали, что надо провести разные анализы». Виктор пообещал ускорить проведение «анализов».

Жене Броницкого было лет сорок. Одетая была хорошо, по-домашнему. И отвечала на его вопросы спокойно, словно был их разговор чем-то совершенно обычным.

– Друзей у него не было. Раньше, в штабе, были. А когда перешел в советники – не стало. Очень любил сына – Володьку. Он сейчас в Англии, в колледже учится. Только-только улетел, за два дня до этой ужасной новости. Может, и хорошо, не надо ему ни похорон, ни расспросов. Ему только восемнадцать, он такой впечатлительный... Я сперва испугалась, у него ведь обучение только на полгода вперед оплачено, но приходили тут коллеги, пообещали за госсчет до конца учебного года все оплатить. Потом вернется, будет здесь доучиваться...

Сейчас, спокойной киевской ночью, вспоминая этот разговор, Виктор насчитал по крайней мере еще пять вопросов, которые надо было задать. Даст бог, он с ней еще поговорит. Она словно сама ему помогала – просто рассказывала примерно то, что должно его интересовать. Теперь уже было понятно, что ее длинный монолог ни на один серьезный вопрос, пожалуй, и не ответил.

На цыпочках Виктор прошел в комнату, вышел на открытый балкон. Проверил, на месте ли машина. «Мазду» он теперь ставил под своими окнами. Так было спокойнее. Хотя от окон до машины было добрых двадцать с лишним вертикальных метров.

Вернувшись на кухню, проделал две дырки в банке пайковой сгущенки. Присосался по старой привычке. Запил остывшим чаем.

Из коридора донеслась телефонная трель.

Виктор в три шага подскочил к висевшему на крючке пиджаку, вытащил из бокового кармана мобильный телефон, нажал зеленую кнопку и, только вернувшись на кухню, поднес телефон к уху.

– Алло! – прошептал Виктор.

– Это я, Георгий. Привет!

– Привет, – ошарашенно ответил Виктор.

– У меня бессонница, вот решил звякнуть. Как там, с вдовой познакомился?

– Да.

– И что-то узнал?

– Почти ничего.

– Это потому, что разговаривал на ее территории. Знаешь, как в футболе: победа на поле противника считается двойной... Тебе надо ее куда-нибудь пригласить. В кафе какое-нибудь. Утром, часиков в одиннадцать, чтобы она уже привела свой внешний вид в порядок, а мысли чтоб были еще разбросаны... Понимаешь?

– Ну да...

– Ну, раз понимаешь, позвони ей завтра часиков в десять утра, скажи, что заедешь за ней в одиннадцать, и по-деловому положи трубку. Чтобы ей некуда было деваться... У тебя, я вижу, тоже бессонница?

– Да, – признался Виктор, и тут же какое-то подозрение закралось в его мысли.

Он выглянул в окно, осмотрел неподвижную ночную панораму – все тихо и мертво.

– Ну ладно, до связи. Я поехал! – произнес знакомый мужской голос, и на его место пришли короткие гудки.

Виктор опустил трубку на стол. Уставился в окно и вдруг увидел, как у забора соседней стройки какая-то машина зажгла фары и стала видимой. Выехала на «дорогу жизни» и не спеша покатила к трассе.

Утром он полчаса стоял под холодным душем, приходя в бодрое состояние.

– Ты на черта похож! – сказала ему за завтраком жена. – Под глазами – синяки, бледный, как мертвец!

– Ничего, сегодня отосплюсь, – пообещал скорее сам себе Виктор, кромсая ножом трехглазую яичницу.

Из комнаты донесся плач дочурки, и жена, на ходу расстегивая верхние пуговицы халата, побежала туда. У Яны тоже наступило время завтрака.

Ира, вспомнив, что ночью кормила ее левой грудью, сейчас поднесла к правой.

Виктор выпил в кухонном одиночестве чашку кофе. Вышел на балкон, посмотрел с высоты восьмого этажа на свою красную «мазду». На стоявшие чуть поодаль аккуратной шеренгой соседские «москвичи», ЗАЗы и примкнувший к ним древний «мерседес». Хоть он и понимал, что машина – не его, а служебная, а удержаться от высокомерной ухмылки не смог.

Сходил еще раз умылся холодной водой. Посмотрел на часы – без пятнадцати девять. Зашел в спальню, посидел минутку около Иры и Яны, присосавшейся к правой груди жены. Почувствовал себя «третьим лишним». Вернулся на кухню.

В полдесятого, когда «дорога жизни» уже опустела и только несколько соседских ребятишек с пластмассовыми автоматами в руках играли на ее обочине в «новых русских», Виктор взял мобильный телефон и позвонил вдове Броницкого.

Твердо и вежливо он пригласил ее на кофе, попросил спуститься в десять на улицу и, не дав ей времени на ответ, попрощался.

Когда красная «мазда» остановилась у второго подъезда ведомственного «генеральского» дома, вдова Броницкого уже сидела на скамеечке, в длинной черной юбке и блузке изумрудного цвета. В руках держала маленькую сумочку.

На «мазду» она не обратила внимания, пока из нее не вышел Виктор. По ее реакции можно было легко понять, что следователя она ожидала скорее увидеть пешим или в крайнем случае на помятых «Жигулях», чем на новенькой иномарке.

Виктор, отметив про себя ее удивление, улыбнулся. Поздоровался и, держа деловой ритм, сразу открыл ей дверцу машины.

– А в газетах пишут, что в милиции такая беднота, – проговорила Броницкая, глядя на следователя, который ей вдруг показался посимпатичнее, чем в первый раз.

«Первое впечатление часто обманчиво», – подумала она, вспомнив о дне знакомства со своим будущим мужем.

Бар «Седой кот», видимо, только-только открылся. Ступеньки были еще мокрыми от тряпки уборщицы. Внутри – никого. Только молодая барменша, снова переусердствовавшая с косметикой.

«Слишком рано встает», – подумал про нее Виктор.

Галантно усадил Броницкую за тот же столик в углу, за которым он сидел здесь с Димой.

– Кофе? – спросил вдову.

– И коньяк, – добавила она, улыбнувшись.

Уже в первые минуты разговора Виктор оценил правоту позвонившего ночью «мобильного» Георгия. Действительно, заданный утренний ритм уже приносил свои плоды. Броницкая была в минорно-романтическом состоянии, но при этом часто улыбалась и, как казалось Виктору, кокетничала с ним. При этом спокойно, как бы между прочим отвечала на его вопросы. И отвечала по-настоящему. Он уже узнал о тех старых друзьях ее мужа, которые исчезли после перехода его на работу в аппарат президента. Исчезли они не просто так – оказывается, в штабе случился переполох, какая-то утечка информации. Назревал большой скандал, и его пытались замять. В конце концов замаяли, но в результате этого «замаятия» один полковник покончил с собой, пропала без вести вольнонаемная секретарша и три человека из командования штабом оказались в Москве. Оказались очень быстро, при этом их посадочная полоса была заранее подготовлена и, пока скандал разгорался, их семьи преспокойно переехали в белокаменную столицу и заняли неплохие квартиры на Кутузовском проспекте. Один из этих троих – Максим Ивин – и был лучшим другом Броницкого. Он несколько раз звонил после переезда, а до скандала часто бывал у них дома. Броницкий в старые добрые времена ездил с ним на охоту, в преферанс играл.

Когда Виктор сказал, что для преферанса надо как минимум три игрока, вдова игриво махнула рукой.

– Они за карты обычно садились ночью, когда я уже спала. Максим вызывал по телефону своего сына или кого-то из подчиненных. Утром встану, а мужики кто на диване, кто на креслах спят. Только посмотришь, кого они ночью вызвали, и в ванную...

Взяв еще кофе с коньяком, Виктор продолжил разговор, но то ли утро заканчивалось, то ли коньяк оказывал на Броницкую затормаживающее воздействие, но она говорила все меньше, паузы между вопросом Виктора и ее ответом удлинялись. Виктор понял, что на этот раз хватит, пора сворачиваться, чтобы закончить разговор на приятной ноте.

– Вы обещали ускорить дело с похоронами, – напомнила вдова. – Неудобно как-то, звонят коллеги мужа, соседи. Спрашивают... Хотят попрощаться.

Виктор еще раз твердо пообещал помочь.

Когда Виктор с Броницкой уже встали из-за стола, в бар пришла еще одна пара посетителей – двое мужчин лет пятидесяти: один в дорогом темно-синем костюме, второй налегке – в черных брюках и белой рубашке с ярким шелковым галстуком.

Вдову Виктор подвез под ее парадное и на прощание получил приятную, обещающую дальнейшее общение улыбку.

В райотделе, куда он приехал только к часу, его ждала новость – труп Броницкого исчез. Ночью кто-то отключил допотопную сигнализацию и вломился в здание, где находилась лаборатория судмедэкспертизы. Украли только труп, все остальное было на месте.

Быстро записав на листе бумаги все самое важное, что он услышал в баре от вдовы, Виктор выбежал к машине.

10

Ник проснулся с первыми лучами солнца. Вечером он не закрыл легкую занавеску и теперь шурился, крутил головой, приходя в себя. Опять на руке ощутил холодный металл часов. Наконец открыл глаза и поднес к лицу руку с часами. Только четверть шестого. Сколько же он спал? Два часа? Три? Ложась, он не смотрел на часы, и теперь оставалось только догадываться, сколько длился его сон.

Он присел на кровати, задумался. Вспомнил прошедшую ночь и это «кино», показанное ему Иваном Львовичем. Вспомнил последовавший затем разговор с полковником. До него постепенно доходило, что время, его время, ускорило свой ход и вот-вот должно было сорваться с места, как по сигналу стартового пистолета. Сегодня вечером ему предстояло спасти жизнь этому парню, Сергею Сахно. Он еще не знал, где и как это будет происходить. Но потом, после этого, придется прятаться и бежать, бежать и прятаться. А значит, сюда ему скорее всего уже не вернуться. А как же вещи? Как же пять тысяч «квартирных» долларов, завернутых в полотенце и лежащих в чемодане? Как дальше?

Торопившиеся мысли не подсказывали, что и как делать. Они только ставили перед фактом, но и этого Нику оказалось достаточно, чтобы полностью прийти в себя.

Иван Львович придет в одиннадцать, сейчас только полшестого. Времени у него масса, и можно что-нибудь сделать. Только что?

Ник встал, оделся. Поставил чайник. Нарезал хлеб, колбасу, сыр. И делал все это механически, думая совсем не о еде.

Потом пил растворимый кофе. Пил кофе и думал. Думал уже спокойнее.

Что делать с документами, с долларами, с вещами, ведь не будет же он таскать за собой эти два чемодана. Здесь, в домике, оставлять их не хотелось. Если б у него были тут друзья – оставил бы у них, но он, похоже, и появился здесь только потому, что никого у него в Киеве, да и вообще в Украине, не было. Он был идеальный Неизвестный. Найди милиция его труп – он бы и остался неопознанным. Пусть даже по телевизору фотографию покажут. Только Валентин с женой могли бы его опознать, но и то, вряд ли бы они присматривались. Ведь смерть выравнивает выражение лица. Иногда только родные могут сразу узнать своих покойников.

Размышляя так, Ник вернулся мыслями к Валентину. Ведь никто не знает, что они познакомились.

Не допив кофе, он вернулся в спальню, вытащил из-под кровати оба чемодана. Раскрыл. Выложил на пол полотенце с долларами, записную книжку, папку со своими документами – свидетельство о рождении, военный билет, свидетельство о браке и прочие бумаги, которыми постепенно обрастает человек.

«Хорошо бы им что-то подарить», – подумал Ник, остановившись и снова осмотрев внутренности двух раскрытых чемоданов.

Взял в руки электробритву «Philips», отложил к полотенцу и папке с документами. Он уже давно брился безопаской, а электробритву купил как-то сдуру. Она новая, в футляре и с инструкцией на арабском языке. Но зачем бритве инструкция?

Снова его глаза забегали по вещам. Хотелось найти что-нибудь для Светланы, жены Валентина. Но ведь ничего у него женского в вещах не было. Ник задумался.

«Надо будет им обязательно оставить адрес саратовской родни. На всякий случай... – думал он. – Ручка, у меня красивая ручка с золотым пером. Китайская. Вот что ей подарю...»

Собрав полотенце, папку и другие мелочи в кулек с надписью «Marlboro», Ник вышел из домика. Оглянулся – вокруг было тихо. Прошел к обрыву, повернул направо, спустился по ступенькам к реке, потом по тропинке через дырку дальше.

Надеялся увидеть Валентина с удочкой в том же месте, но его там не было.

Остановился на мгновение, осмотрелся. Вот та тропинка, по которой они поднимались к его калитке.

Ник осторожно направился вверх по тропинке. Узнав калитку, успокоился. Зашел во двор.

Остановился перед дверью красивого трехэтажного особняка. Внутри было тихо. Часы показывали четверть седьмого. Было похоже, что все в доме спали, и не было никакого желания будить хозяев. Не было желания, но вынуждала необходимость. Стоять под дверью и ждать первых утренних шумов было рискованно.

Ник негромко постучал. Никто не отреагировал. Он постучал погромче. Потом стучал еще несколько минут, негромко, но настойчиво.

Услышав скрип деревянной лестницы, перестал. Шаги замерли за дверью, и она приоткрылась. В проеме Ник увидел заспанное лицо Валентина.

– Извините ради бога, – заговорил Ник. – У меня к вам на три минуты разговор... Я бы позже пришел, но не могу...

Валентин, присмотревшись, узнал гостя. Открыл дверь.

– Я приболел немного, – признался он Нику. – То ли простудился, то ли отравился чем-то. Черт его знает... Чай будете?

Когда они уже уселись с чаем за длинным сосновым столом, Ник достал из кулька электробритву и ручку.

– Это вам и вашей жене... У меня к вам большая просьба. Вы никому не говорили обо мне?

– Нет, – удивленно ответил Валентин.

– И не надо. Пожалуйста. Я не могу вам всего рассказать, но я попал в такие обстоятельства, что мне придется на какое-то время уехать... И я хотел оставить вам самое ценное на сохранение, потому что больше здесь никого не знаю...

Он выложил на стол кулек.

– Здесь деньги, документы... Я вам напишу на всякий случай адрес жены – она сейчас у родни в Саратове. Если меня долго не будет, скажем месяца два, напишите им, сообщите, что у вас мои вещи... Я сейчас адрес дам...

Переписав из записной книжки адрес, он протянул его Валентину, но затем, тряхнув головой, передумал и опустил адрес в кулек с вещами.

– Так лучше, – сказал он. – Так не потеряется. Вы извините, что я так нагружаю...

– Ничего, ничего. – Валентин кивнул.

Его красные глаза в это утро болезненно смотрели на мир, и Ник действительно чувствовал себя виноватым. Он вдруг подумал, что сейчас и Светлана проснется, спустится, и ему будет еще больше неудобно.

– Я пойду уже, а вы ложитесь. Извините, что разбудил...

Ник встал из-за стола и, кивнув на прощание, вышел из дома.

Вернулся к себе спокойный, с чувством исполненного долга. Еще раз позавтракал.

Посмотрел на часы – всего лишь без десяти восемь.

Вышел снова на улицу и присел на деревянный порожек. Прислушался к тонкому пению птиц. Утро было замечательное, сказочное. Солнце, птицы, яркая зелень. Хорошо бы, если бы все это длилось и длилось, сопровождая его жизнь.

Поднял голову, услышав барабанную дробь дятла. Попытался отыскать его глазами. Нашел вверху, под самой кроной мощной мачтовой сосны.

Подумал о том, что последний раз, наверно, слышал дятла в детстве. В Таджикистане дятлы ему не попадались. Может, их там вообще нету...

11

Розыски трупа Броницкого шли полным ходом. До этого момента Виктор чувствовал себя волком-одиночкой в деле отставного генерала. Никого, кроме невидимого Георгия, звонившего время от времени по мобильному, расследование, казалось, не интересовало. Хотя и красная «мазда», и сам мобильный телефон свидетельствовали о том значении, которое кто-то придавал этому делу. Но после исчезновения трупа все изменилось. Звонили из управления, из министерства. Требовали приложить все усилия.

Позвонил и Георгий. Виктор как раз умудрился задремать, сидя за столом в своем кабинете. Трель мобильного мягко пробудила его.

– Витя, – произнес знакомый голос. – Тебе еще не сообщили, что вместо одного милиция нашла по городу шесть трупов?

– Что? – удивился Виктор. – И Броницкого нашли?

– Может быть, сам жду новостей. Они все в разных моргах, так что придется подождать. Но скорее всего его там нет. Какой смысл красть труп и выбрасывать его так, что даже милиция может сразу найти? А? Это все или бомжи, или жертвы неправильных финансовых расчетов. Кстати, труп ищет не только милиция!

– А кто еще? СБУ?

– Ну, СБУ помогает милиции, как и положено в тяжелую минуту... Ладно, не буду тебя за нос водить – военная контрразведка почему-то подключилась. Сидели себе контрразведчики спокойно, а тут вылезли, как весенние муравьи, – любо-дорого посмотреть...

– Но он же все-таки был до отставки штабным генералом...

– А после отставки – советником президента по вопросам обороны. Ты не думал, что как-то странно уйти в отставку и продолжать заниматься военными делами?

– Нет, не думал.

– Ну так подумай! – дружелюбно сказал Георгий и отключился.

Виктор спрятал мобильный в карман пиджака, зашел к майору. Успокоил его, сообщив, что родная милиция нашла не один, а целых шесть трупов и есть надежда, что один из них «наш».

Через два часа поиски продолжились. Найденные трупы никакого отношения к Броницкому не имели. Георгий оказался прав.

К десяти вечера, измотанный и уставший до предела, Виктор вернулся домой. Ночевать в райотделе было неудобно, даже если снести в кабинет все стулья и выставить под стенкой, как иногда приходилось делать прежде. «До утра все равно новостей не будет», – решил Виктор.

Жена с дочкой уже спали. Он улегся на диване в гостиной и тут же провалился в глубокий сон.

Через три часа из пиджака, брошенного рядом на стуле, раздалась знакомая мягкая трель телефона. С ненавязчивым постоянством она повторялась каждые несколько секунд. Повторялась, пока Виктор все еще с закрытыми глазами не протянул в ее сторону руку.

– Аллю, – прошептал он в трубку мобильного.

– Спишь? – удивился знакомый голос. – Ты хоть глаза открыл?

– Нет, – признался Виктор.

– Открой глаза, когда разговариваешь по телефону! – шутливо проговорил Георгий. – Тем более, что тебе пора выходить.

– Что? Куда? Сейчас? – встрепенулся Виктор.

– Один добрый контрабандист позвонил и попросил забрать с его самолета какой-то хорошо упакованный труп.

Виктор, чтобы быстрее прогнать сонливость, уселся на диване, уперся голыми ступнями в жесткий ворс ковра.

– С какого самолета?

– Ты уже пришел в себя?

– Да.

– Тогда слушай внимательно. Через полчаса выезжаешь в аэропорт Жуляны. Остановишь машину за развязкой на Севастопольской площади, включишь на минуту аварийку. Через минуту поедешь дальше. Тебя обгонят две машины с группой захвата. Им задача уже поставлена, так что не беспокойся. Справа от здания аэровокзала будет открыт въезд на летное поле. Увидишь машины – сразу к ним подъезжаешь. Грузовой Ан-26 должен взлететь в три часа ночи. Снимете труп, остальное – что бы там ни было в самолете – не трогать. И главное – в аэропорту не шуметь, не сигналить, а то разбудите таможду и еще кого-нибудь, а нам это не нужно. Понял?

– Понял.

Спрятав мобильный в карман пиджака, Виктор встал. Сходил в ванную умыться.

Выпил крепкого кофе на кухне, не включая свет и глядя в окно на спящие ночные окрестности.

Застегнул ремешок плечевой кобуры с «тэтэшкой», из которой стрелял пока только в тренировочном тире. Сверху надел пиджак.

Глаза, не видевшие яркого света с прошлого дня, легко ориентировались в темноте узкой лестницы, по которой Виктор спускался со своего восьмого этажа.

Негромко заурчал мотор машины, зажглись фары, и «мазда», объезжая ямы и выбоины на разбитой строителями временной грунтовой дороге, неторопливо направилась к трассе.

Пока Виктор ехал к Южному мосту, город был неподвижен и тих. Его сведенное ночной судорогой тело беззащитно лежало под широким открытым небом, наполненным пульсирующим дыханием звезд.

Зазвонил мобильный, и Георгий удивительно бодрым голосом поинтересовался местонахождением Виктора.

Впереди показалась клумба Севастопольской площади. Виктор сбавил скорость, объехал клумбу и остановился у бровки на дороге, ведущей в аэропорт. Включил аварийку и оглянулся по сторонам. Ожидания увидеть включенные фары среагировавших на условный сигнал машин не оправдались. На площади было по-прежнему тихо и темно.

Подождав минуту, Виктор поехал дальше, немного озадаченный. Однако уже метров через триста его обогнали на хорошей скорости «Волга» и следовавший за ней микроавтобус.

Въехав на площадку перед аэровокзалом, Виктор остановился и выключил фары. Площадка, в отличие от киевских улиц, была неплохо освещена, да и над козырьком самого аэровокзала синим неонам светились на фоне ночного неба большие буквы «КИЕВ – ЖУЛЯНЫ». Обычно свет подчеркивает жизнь, но здесь он подчеркивал тишину, и тишина начинала раздражать. Клонило в сон. В таком состоянии хорошо было бы что-то съесть, но ничего съедобного не было, и для борьбы со сном оставалось только одно средство – сила воли. Но это средство вполне могло оказаться слабее силы усталости.

Чтобы держать себя в «рабочем» состоянии, Виктор то и дело смотрел на часы. Время словно замедлилось, минутная стрелка почти не двигалась. Вообще ничего не происходило, и Виктор, высунув голову наружу, вслушался в тишину. Ухо уловило едва слышимые щелчки какого-то насекомого, шорох травы летного поля.

Вдруг далеко, где-то за видневшимися на поле самолетами, вспыхнули и тут же погасли две фары. «Мазда», мягко съезжая с травы на бетон и с бетона на траву, объезжая сигнальные лампы и какие-то полосатые столбики вдоль посадочных полос и площадок маневрирования, подъехала к стоявшему поодаль, в самом конце посадочной полосы, самолету. У трапа находи-

лись двое в масках с короткими «акаэмами». Еще двоих Виктор увидел возле микроавтобуса и «Волги», спрятавшихся за хвостом Ан-26.

Выйдя из машины, Виктор бросил взгляд на надпись на фюзеляже самолета: «Авиалинии Беларуси».

Подошел к трапу. Двое в масках кивнули ему, как старые знакомые. Он поднялся, вошел в овальный дверной проем самолета.

Тут же перед ним оказался еще один мужчина в камуфляжной черной маске с вырезами для глаз. Он был невысокого роста, ниже Виктора. Протянул руку, потом кивком головы предложил следовать за ним.

Они прошли в хвост мимо хорошо укрепленного брезентовыми ремнями груза. Краем глаза Виктор смотрел на эти коробки, ящики, баулы, аккуратно разложенные по обе стороны от прохода.

– Вот, – провожатый кивнул на лежавший в конце прохода черный брезентовый мешок на молнии. – Открой! – скомандовал он стоявшему рядом спецназовцу.

Тот быстро опустил на корточки, расстегнул молнию сантиметров на семьдесят, развел половинки, встал и направил туда луч мощного фонарика. Внутри Виктор увидел за мутным полиэтиленом человеческое лицо. В воздухе появился едкий кислый запах.

Спецназовец спешно застегнул молнию мешка.

– Это он? – спросил Виктор у стоявшего рядом человека в маске, который, похоже, был здесь старшим.

– Через час будет известно, – ответил тот. – Уходите, здесь находиться нежелательно для здоровья. – Он кивнул на груз.

Виктор снова обратил внимание на едкий кислый запах. Затем посмотрел с подозрением на внутренности самолета.

– Химия? – спросил он.

– Химия в мешке, – кивнул тот на труп. – Жидкий азот. Тут скорее всего «физика».

Они быстро прошли обратно к трапу, спустились на землю. Следом за ними двое спецназовцев вынесли мешок с трупом, погрузили его в микроавтобус.

– А куда он должен был лететь? – спросил Виктор.

– Воронеж, Россия.

Перед тем как сесть в машину, он заметил, как под надзором спецназовцев из «Волги» выбрались трое перепуганных летчиков. Оглядываясь, они поднялись по трапу в свой самолет.

«Мазда» выехала с летного поля. Остались позади и открытые ворота, и освещенная площадка перед аэровокзалом. Усталость с новой силой навалилась на плечи Виктора. Словно под ее тяжестью, он почти лег грудью на руль, из последних сил всматриваясь в пустынную дорогу. А в голове крутился один и тот же вопрос, на который не было сил ответить: «Зачем ему надо было приезжать сюда?» Группа захвата и без него знала, что делать. Советов у него никто не спрашивал. Ну, увидел он самолет, труп в пластиковом мешке на молнии, увидел людей в масках с «акаэмами» и перепуганных летчиков, которым предстояло через десять-пятнадцать минут взлететь и взять курс на Воронеж. В чем был смысл его присутствия?..

Ответа не было. Была только освещенная фарами его «мазды» дорога, почти физическая тяжесть в голове и глаза, уставшие от естественной ночной темноты и резкой желтизны искусственного света.

12

Иван Львович пришел без пяти одиннадцать. Свеженький, гладко выбритый. На щеках – не свойственный для его возраста румянец.

– Ну как, выспался? – живо спросил он, войдя в гостиную.

– Да.

– Отлично. Ну что, к делу? Завтракал?

Ник кивнул.

– Тогда я себе что-нибудь сварганю, а ты пока настройся на серьезный лад.

Через несколько минут они сидели за столом. Ник за компанию пил кофе, полковник жевал бутерброд с сыром. Жевал и говорил, оставляя между словами достаточные паузы для еды.

– Первое: в любой ситуации сохранять спокойствие, никогда не взрываться... Делай вид, что ты немного медлительный, тогда у тебя будет чуть больше времени на обдумывание... Второе: когда с ним познакомишься: не играй в интеллигента. Сразу тыкай, относись, как к младшему брату. Увидишь, что раздражается, – смягчись. Главное, чтобы он относился к тебе с полным доверием, как к своему спасителю... Сегодня ночью вы вдвоем поедете в Белоруссию, город Пинск. Без удобств, в общем вагоне. Билеты дам чуть позже. Там остановитесь в привокзальной гостинице, выспитесь. В час дня автобус до Бреста. В Бресте тоже переночуете в гостинице, купите туристский ваучер в Польшу. Город назначения – Познань. У тебя там близкий друг, который многое может. Александр Возняк, бывший наш. Телефон три пятерки четыре два один. Повтори.

– Три пятерки, четыре два один. Александр Возняк.

– Молодец, – Иван Львович усмехнулся. – Не напрягайся, я тебе все запишу! С Возняком ты встретишься один, без Сахно. Возняк тебе расскажет, что делать дальше. Теперь мелкие детали...

Полковник вытащил из нагрудного карманчика пиджака пластиковую карточку «Амэри-кэн экспресс».

– Знаешь, что это такое?

– В кино видел, – признался Ник.

– Значит, какое-то представление имеешь. На первые дни получишь тысячу долларов наличными, разложишь по разным карманам. Будь поэкономнее. Дальше, после Польши, можешь использовать эту карточку. Просто вместо денег. Когда покупаешь билеты, оплачиваешь гостиницу, тоже будь предельно аккуратным и экономным – никакой роскоши! Все – самое дешевое! Ручка есть? Распишись на обратной стороне.

Иван Львович перевернул пластиковую карточку, и Ник увидел посередине вклеенную бумажную полоску для подписи.

– Свою подпись? – переспросил он.

– Ладно, покажи, распишись пока здесь, – полковник положил перед Ником какой-то конверт.

Ник расписался.

– Годится, – кивнул Иван Львович. – Прочитать ничего нельзя, зато масса закорючек. То что надо.

Ник аккуратно, даже с некоторым волнением поставил свою подпись на обратной стороне карточки.

– Ну вот, теперь она твоя. – Иван Львович улыбнулся. – Дальше...

Он опустил перед Ником маленькую упаковочку впечатанных в пластик таблеток. Восемь штук.

– Если почувствуешь, что Сахно вышел из-под контроля и становится опасным, бросишь ему одну в чай, кофе или пиво. Все равно. Они мгновенно растворяются. Сам не принимай! – Он усмехнулся. – Это не аспирин. Это скорее успокоительное...

Допив кофе, Иван Львович поднялся из-за стола.

– Обедаем сегодня вместе, здесь, – произнес он почти торжественным тоном. – Я все принесу через пару часов. Из дома не выходи. Хочешь чистого воздуха – открой окна. Будет скучно – почитай свежие газеты.

– Где? – удивился Ник.

– В почтовом ящике с внутренней стороны входной двери. – Полковник удивленно мотнул головой. – Надо быть повнимательнее. Всегда подробно изучи жилье, прежде чем расслабиться и лечь на диван! Ну пока, до обеда!

Когда полковник ушел, Ник вытащил из почтового ящика три газеты: «Киевские ведомости», «Всеукраинские ведомости» и «Голос Украины». Просмотрел. Взгляд остановился на статье, посвященной трупам на крыше СБУ. Заголовок гласил: «Следствие топчется на месте». С таким заголовком саму статью можно было не читать.

Увидев на последней странице «Всеукраинских ведомостей» кроссворд, Ник взял ручку и вдруг поймал себя на мысли, что сам сейчас находится в «кроссвордовой» ситуации. Он оглянулся по сторонам. Вспомнил последние слова ушедшего полковника. «Подробно изучи жилье, прежде чем расслабиться!» Его взгляд сам собою ушел под потолок. Он внимательно осмотрел верхние углы гостинной комнаты. Белая штукатурка, идеальный ремонт.

Ему вспомнились мониторы в микроавтобусе. Три монитора в квартире, и человек мог от них закрыться только в туалете. Иначе он просто переходил из одного монитора в другой. Коридор, кухня, комната...

Ник вышел на кухню. Она была крохотной, явно предназначенной только для приготовления пищи и не больше. Здесь не посидишь.

Просмотрел потолок, углы, верхнюю часть стен. Взгляд остановился на круглых часах над раковиной. Странное место, но не более. Их действительно больше негде было повесить.

Вышел в коридорчик. Вспомнил картинку из «коридорного» монитора. Картинка началась с внутренней стороны входной двери на заднем плане. Задрал голову кверху и увидел в верхнем углу слева от двери в комнату белую коробочку, размером с пачку сигарет. Подошел, остановился под нею. На камеру она была совершенно не похожа. Скорее на датчик пожарной охраны.

Постояв пару минут, Ник вернулся в гостиную. Сел за стол, снова взял ручку, но интерес к кроссворду пропал.

Он открыл окно настежь. Сидел на диване. Думал о Тане с Володькой. Они ведь ничего не знали, они вообще ничего не знали. Они ждут со дня на день телеграммы «Приезжайте, встречу, Ник». Они будут ее ждать и завтра, и через неделю. А потом? Что они будут думать потом? Как им сообщить, что дело затягивается? Может, тут в санатории есть почта или телеграф? Но Иван Львович запретил выходить... Но что важнее – предупредить жену или исполнить приказ старика, который пока сам не исполнил практически никаких своих обещаний?

Ник подошел к окну, выглянул. До ближайшего домика было метров двести. Редкие деревья, кусты, клумбы и ни одной живой души. Разве в таком месте может быть почта или телеграф? Очень сомнительно.

Надо было об этом думать раньше, утром, когда он разбудил Валентина. Надо было ему оставить письмо или текст телеграммы и деньги. А может, еще не поздно? Конечно, лучше телеграмму. «Не беспокойтесь. Наберитесь терпения. Переезд отодвигается на месяц два. Люблю. Скучаю. Ник».

Ник достал кусочек бумажки, записал придуманный текст телеграммы и пошел к дверям.

На пороге резко остановился, встретившись взглядом с шофером темно-синего БМВ, стоявшим возле своей машины напротив домика.

Ник растерянно посмотрел по сторонам.

Зачем здесь машина? Ведь полковник говорил что-то об обеде, а обед – это не пара бутербродов, это какое-то время... Час, два...

Вернулся в дом. Нервы не давали возможности просто присесть и подумать. Он ходил из угла в угол, сжимая в руке текст телеграммы.

Наконец сел за стол, и тут же спокойная размеренная мысль подсказала: «А почему не попросить Ивана Львовича отправить телеграмму?»

А действительно, почему? Что в этом такого? Чего переживать?..

Ник дописал на бумажке саратовский адрес родни и опустил ее в карман.

Вернулся к газетам. Все-таки прочитал ту статью о трупe на крыше СБУ. Сама история с дирижаблем и полетом трупа показалась ему совершенно сумасшедшей, просто нереальной. Хотя, похоже, так все и произошло на самом деле. Только почему это произошло – никто не знал, прокуратура отказывалась комментировать, ссылаясь на тайну следствия, СБУ тоже, молчал и аппарат президента, где покойный работал перед смертью.

Иван Львович появился с двумя хозяйственными сумками. Торопливо прошел в гостиную, поставил их на стол и тут же начал вынимать из сумок заботливо завернутые в мягкий целлофан блюда: салаты, холодные мясные и рыбные закуски, овощи.

– Быстро принеси вилки-ложки и садись, пока горячее! – на одном выдохе сказал он, не отвлекаясь от дела.

Вернувшись из кухни, Ник увидел на столе два больших блюда с массивными свиными отбивными и картофелем-фри. Над ними поднимался пар. Закуски тоже были расставлены и занимали почти всю столешницу.

Полковник открывал бутылку «Ахашени».

– Стаканы! – попросил он, снова кивнув головой в сторону кухни.

Первый тост был опять за удачу, как и в первый вечер. Потом они молча жевали, наслаждаясь вкусной едой.

После второго стакана вкусного грузинского вина Ник попросил Ивана Львовича о телеграмме.

– Какие вопросы! – сказал на это полковник. – Я, кстати, фотоаппарат принес, хотел щелкнуть тебя и твоим фото послать. И себе тоже сделать, если ты не против...

– Конечно, – согласился Ник.

Иван Львович достал компактную камеру и два раза щелкнул Ника. Потом, установив ее на столе так, чтобы объектив смотрел немного вверх, нажал на кнопку замедленного спуска и быстро перешел на другую сторону. Успел присесть рядом с Ником, и тут же сработала вспышка и камера довольно «ворчнула».

13

Утро наступило для Виктора раньше, чем ему хотелось. Трель мобильного телефона, ставшего для него карманным будильником, прозвучала в полдевятого. Георгий дал Виктору двадцать минут на утренний холодный душ и завтрак.

Под удивленным взглядом Ирины, кормившей грудью малую, Виктор прямо с трубкой мобильного и со все еще затуманенным взглядом пошел в ванную. Потом с той же трубкой и мокрой головой перебрался на кухню. Поставил чайник, набрал в кастрюльку воды и опустил туда два яйца. Сел за стол и только в этот момент почувствовал силу утреннего солнца. Яркий свет, бивший из окна, гревший опущенные на столешницу в это время руки, помог приободриться.

Как раз пропел свою трель мобильный и Виктор уже твердой рукой поднес его к уху.

– Возьми ручку и бумагу, будешь писать, – сказал невидимый Георгий.

Виктор левой рукой взял с подоконника блокнот и карандаш.

– Первое: снова поговорить с вдовой, выяснить, где и с кем был Броницкий в последние дни жизни и особенно двадцатого мая. Второе: спросить, звонила ли она московским друзьям и сообщала ли о смерти мужа. Взять телефоны этих москвичей. Третье: послать кого-то из стажеров по киевским ресторанам и собрать у них меню на двадцатое мая. Понятно?

Виктор не успевал записывать. Наконец поставив точку, он тяжело вздохнул прямо в трубку.

– Что? Рука устала? – с ехидцей спросил Георгий. – Надо всегда записывать планы действий – помогает думать! Иначе будешь тыкаться в запертые двери и собирать ненужные отрывочные сведения. Это что – мое дело учить тебя, как планировать расследование? Ты следователь или я?

Ошарашенный Виктор молчал, прижав трубку мобильного к уху. Первый раз голос у Георгия был таким раздраженным. Кто он вообще такой, этот Георгий? Почему он звонит? Почему он приказывает? Может, это действительно он – следователь, а не Виктор? А Виктор у него – что-то вроде стажера?

– Не слышу ответа! – снова прозвучал в трубку голос Георгия, уставшего ждать.

– Мне кажется, что ты – следователь, – угрюмо проговорил Виктор.

– Да? Тебе кажется? А тебе не кажется, что работать надо организованнее?

Виктор задумался. Конечно, Георгий был прав. Даже то, что Виктор узнал о Броницком к этому дню, не было ни выстроено логично, ни проанализировано. Но ведь и времени прошло мало. Следователю не дают машину, чтобы он в три дня раскрыл преступление! Да и человек, вручивший ему в кабинете майора ключи от «мазды», советовал «не спешить». И по интонации было понятно, что речь шла не о быстрой езде на иномарке.

– Все понял, – проговорил, вздохнув, Виктор.

– Вот и славно. А теперь послушай новости. Ты действительно нашел труп Броницкого. Так сказать – остановил попытку нелегального экспорта... Можешь позвонить вдове, чтобы готовила похороны. Тело ей отдадут хоть завтра, тем более, что его коллеги скинулись на роскошный гроб с бронзовыми ручками. Надо только будет покойного так положить, чтобы правая рука была накрыта левой, но это не твоя забота.

– А почему?

– Потому, что кто-то отрезал у него себе на память большой палец правой руки.

– Зачем? – удивился Виктор.

– Послушай, кто из нас следователь?

– Хорошо, я... Ну а все-таки: ты кто?

– Кто я? Тебе, наверно, трудно разговаривать с абстрактным собеседником, да? – голос Георгия смягчился. – Представь себе: рост сто восемьдесят два, короткие черные волосы, возраст – сорок пять, холост, люблю виски со льдом, не курю, по утрам бегаю по пять километров. Хватит?

– Да. Я не это имел в виду.

– Я знаю.

– А еще вопрос можно?

– Спрашивай!

– Зачем мне надо было ездить в аэропорт ночью? Ведь группа захвата и так знала, что делать!

– Да, знала. Но она не знала, кто у них – шеф! Теперь знает. Запомни, я никогда не посоветую тебе делать то, что не имеет смысла. Даже если ты не видишь в чем-то смысла, это не значит, что его нет! Как самочувствие?

– Нормально.

– Тогда звони вдове и договаривайся о срочной встрече!

После звонка Броницкой день понесся, как летящий под откос поезд. За полчаса разговора с обрадовавшейся возможности похоронить мужа женщиной Виктор узнал гораздо больше, чем рассчитывал узнать. Записал московские адрес и телефон Максима Ивина, номера телефонов двух других друзей Броницкого, тоже перебравшихся в Белокаменную. Узнал, что сын улетел в Англию после крепкого скандала с отцом, даже не попрощавшись. Хотя в аэропорт его отвозил шофер Броницкого. Узнал, что за пару дней до смерти отставного генерала в Киев приезжал Максим Ивин. Домой к ним он не заходил, останавливался в гостинице. Сам Броницкий с ним как минимум один раз встречался и принес от него подарок жене – набор духов «Ив Сен-Лоран».

Еще до обеда Виктор успел присесть в кабинете и подробно записать все новые сведения. Переписал с мятой бумажки и московские телефоны друзей Броницкого. После этого, заглянув к стажерам, вызвал самого опрятного на вид к себе в кабинет. Дал задание собрать во всех киевских ресторанах меню за двадцатое мая.

– А как я все эти рестораны найду? – спросил ошарашенный заданием стажер.

– По справочнику. У майора Крысько попроси «Весь Киев»; там и адреса, и телефоны. Составь список ресторанов и проверенные вычеркивай! Обращай внимание на блины с красной икрой! Справишься, будешь дальше работать со мной по убийству.

– По убийству? – глаза стажера загорелись.

Он, развернувшись, зашагал к двери кабинета Крысько.

– Постой! – окликнул его Виктор.

Стажер обернулся.

– Тебя как звать?

– Занозин. Михаил Занозин! – представился стажер.

– Будешь докладывать каждые три часа. Если меня нет – оставишь на столе записку!

Понял?

Вернувшись к себе, Виктор снова раскрыл дело. Отложил фотографии в сторону. Достал чистый лист бумаги. Сверху по центру написал «Броницкий». Слева внизу в столбик – список родных и друзей, с которыми покойник виделся перед смертью. Посередине – места взлета и приземления рекламного дирижабля с покойником «на борту» – площадь Независимости, холм под гостиницей «Москва» и улица Владимирская, крыша КГБ – СБУ. Справа записал тех, с кем хорошо было бы встретиться и поговорить: прошлых и последних коллег Броницкого, сына, который в Англии, соратников по преферансу и охоте.

До сына было не добраться, но, наверно, он прилетит на похороны отца. На похороны должны прибыть и московские друзья, тем более, что они уже звонили вдове несколько раз,

спрашивая о дате траурной церемонии. Завтра майор ей сообщит о дате похорон, но он, Виктор, узнает о дате чуть раньше, уже сегодня. И у него будет больше времени на обдумывание дальнейших действий.

Осталась крайне непонятной история с кражей трупа Броницкого и попыткой увезти его в Россию. Что за этим кроется? Виктор задумался. Вспомнил об отрезанном большом пальце правой руки. Внизу заполненного листа написал: «труп, Жуляны – Воронеж, палец» и поставил жирный знак вопроса. Задумался о прошлой ночи. Вспомнил, что говорил Георгий об этом самолете. Он сказал, что позвонил ему «добрый контрабандист» и попросил убрать труп из его самолета. . . . Что там вывозили в Россию из Киева «Авиалинии Беларуси»? Видно, Георгию было известно о грузе, который все-таки отправился в Воронеж. Ведь он сам сказал, что самолет должен вылететь в три часа ночи. А «добрый контрабандист» сам сдал труп, чтобы не оказаться крайним. Или он «дружит» с Георгием и от Георгия, может быть, зависит надежность грузовых чартерных рейсов самолета Ан-26. Во всяком случае, «контрабандист» оказал большую помощь в деле «трупа» и за это, надо полагать, был как-то награжден. Ну а палец? Виктор, размышляя, пожал плечами. Нет, главное, что труп найден. Если бы обнаружили они только палец без трупа – толку от этого было бы мало. И по пальцу, в общем-то, владельца не определишь.

Виктор сидел над своим листком бумаги до наступления темноты. Потом словом «похороны» озаглавил уже готовый список людей, с которыми надо было встретиться для разговора. Встал из-за стола и вдруг услышал стук в дверь.

В кабинет зашел запыхавшийся стажер Занозин с коричневой папочкой из искусственной кожи.

– Меню за двадцатое мая, – доложил он, вытащив из папки пачку бумажек.

– Блины с икрой есть? – спросил Виктор.

– В одном, – кивнул стажер. – Ресторан «Козак».

– Молодец. Много еще осталось ресторанов?

– Тридцать пять отдельных и восемь гостиничных.

– Ну, дела идут. – Виктор устало улыбнулся. – На сегодня можешь отдыхать, а завтра с утра – в бой. Жду новости к часу!

Мягкая спинка водительского сиденья «мазды» нежно приняла на себя уставшую спину Виктора. Мелодично и тихо завелся мотор. Сержант с «Калашниковым», дежуривший на входе в райотдел, махнул рукой.

Вечерний город мчался навстречу. А Виктор спешил проскочить сквозь него. Ему сегодня не нравился центр с его светофорами и неоновыми огнями. Хотелось как можно быстрее выехать на свою неосвещенную окраину, промчаться обычно пустой в это время трассой от Южного моста до своей новостройки, до километровой «дороги жизни», в воронках-выбоинах. Дальше, на восьмой этаж, он уж как-то поднимется. Без фонарика, на слух и на ощупь. А там его встретят свои. «Мой дом – моя крепость». Среди своих, которых только двое, и то, наверно, уже спят, его не дождавшись, ему будет легко и приятно. Он подышит с ними одним воздухом. Проснется с ними в одной квартире. Потом, утром, снова их покинет, но будет вспоминать о них и думать везде, куда его занесет очередной день.

14

За окнами машины мелькал одноэтажный пригород. Шофер резко нажал на тормоза, чертыхнулся, обругав выбежавшую на дорогу собаку, и снова набрал скорость.

Этот резкий толчок отвлек Ника от воспоминаний о Душанбе.

Он в очередной раз посмотрел на свой новый джинсовый костюм, полученный двадцать минут назад от полковника. «Никаких своих вещей! – сказал перед выходом Иван Львович. – Вот, надень, должен подойти. Здесь твой паспорт, доллары. Переложи кредитную карточку и таблетки в карман куртки... Приведи себя в порядок, я подожду на улице. Все вещи оставь в доме».

Ник вспомнил о вещах. Он все-таки успел залезть в один из чемоданов и взял оттуда фотографию Тани с Володькой. Теперь эта фотография тоже лежала в нагрудном кармане джинсовой куртки. Там же были два билета на поезд и миллион белорусских «зайчиков» – последнее, что Ник получил от полковника, уже в машине.

– В Белоруссии купишь пару сумок и какие-нибудь вещи в дорогу, – произнес, отвлечшись от окна, Иван Львович. – Таможня не любит пассажиров без багажа.

Они въехали в город. Полковник достал из кармана пиджака мобильный телефон, набрал номер. Спросил кого-то: «Ну как?» Потом несколько минут слушал и перед тем, как спрятать телефон обратно в карман, сказал в трубку: «Скоро будем».

Минут пять ехали молча.

– После Выдубичей поедешь по набережной, – приказал полковник шоферу, когда впереди показалась эстакадная развязка.

На набережной Иван Львович остановил машину и предложил Нику прогуляться.

Они шли вдоль бетонного бортика, за которым спокойным питоном скользил Днепр. Солнце висело низко над холмом. По Набережному шоссе проносились машины. Проехал по рельсам трамвай, добавив в уличный шум металлического звона.

– Ну что? Нервничаешь? – спросил, остановившись у бортика, полковник.

– Нет.

– Хорошо. – Иван Львович достал пачку сигарет. – Ты же не куришь?

– Бросил, еще в Душанбе.

– Молодец!

Иван Львович закурил, обвел взглядом широкую днепровскую панораму.

– Город нравится? – спросил.

Ник тоже посмотрел на реку, на живые, застроенные многоэтажками берега, на видневшийся слева остров, на мосты. Молча кивнул.

– Возьми польский телефон, – сказал полковник.

Ник спрятал бумажку в карман.

– Все помнишь?

– Да.

– Тогда запомни еще одно – самое важное. Ты решил его спасти потому, что сам хочешь бежать. Ты – дезертировал из СБУ, предатель. Ты знаешь, где и у кого на Западе можно получить много денег, чтобы устроиться там основательно. Пообещай ему половину большой суммы, насколько у тебя хватит фантазии. Только не переборщи, он ведь не идиот! И еще – повторяй ему время от времени, что когда ты с ним рассчитаешься – вы разбежитесь в разные стороны. Понял?

Ник кивнул.

Через полчаса машина остановилась во дворе хрущевской пятиэтажки. Ранний вечер еще наслаждался уходящим тусклым светом уже невидимого отсюда солнца.

Они с полковником прошли по площадке со столбиками для сушки белья, свернули к детскому садику. Зашли на его территорию. Там, спрятавшись за деревянной игровой верандой, стоял знакомый микроавтобус.

«Мюллер лтд. Подвесные потолки». Ник вдруг подумал, что между этим названием и внутренней начинкой микроавтобуса все-таки присутствует какая-то непрямая связь.

В салоне за пультом сидел тот же парень, только одет он в этот раз был по-другому. Ник, собственно, не помнил, во что он был одет прошлый раз, но сейчас было на нем что-то новое. Яркая жилетка кирпичного цвета на коричневой рубашке с коротким жестким воротничком. «Слишком нарядно для такой службы», – подумал Ник и тут же нашел объяснение – время теперь другое и не обязательно ходить в темных костюмах с галстуком, чтобы исполнять такую работу. «Новое время, новые люди, новые правила», – думал он. Ему понравилась эта мысль. Он еще раз с едва заметной завистью во взгляде посмотрел на парня за пультом. Тот словно доказывал своим видом, что даже такая служба в новое время не была «суконной», послушной «деревянному регламенту».

Мониторы опять показывали коридор с дверью, кухню и комнату – на этот раз спальню. На кухне ужинали двое – парень и девушка. Парня Ник узнал сразу – Сергей Сахно. Девушка была худенькая, светлые кудрявые волосы сбегали к плечам. Разглядеть лицо повнимательнее было трудно – технике недоставало качества. Нельзя было сказать – красивая она или нет, как и нельзя было определить цвет глаз на черно-белом мониторе.

На столе стояла бутылка вина, в бокалы наливала девушка, притом парню больше, добавляя себе каждый раз только несколько капель. И пили они по-разному. Парень – сразу до дна, девушка только пригубливала и ставила бокал на место. Она же достала вторую бутылку вина.

Ник посмотрел на часы – четверть десятого. Вспомнил о красном вине, выпитом во время обеда, – странно, но он словно и не пил. В голове – удивительная ясность, в теле – бодрость.

Девушка что-то сказала Сергею, и он, кивнув, перешел в коридор и скрылся за внутренней дверью.

– Санузел совмещенный, – прокомментировал это Иван Львович, не отвлекаясь от мониторов.

Девушка тоже вышла в коридор, прислушалась. Потом перешла в «спальный» монитор. Достала из шкафа коробку из-под обуви, опустила ее на пол возле разобранной кровати, сняла крышку. Несколько минут она стояла на коленях над раскрытой коробкой, потом снова закрыла ее и задвинула под кровать.

– Ку-ку! – мрачно произнес Иван Львович.

А девушка тем временем переделалась в легкий халатик, дав троим мужчинам возможность оценить ее ладную фигурку. Потом посмотрела на будильник, стоявший на прикроватной тумбочке рядом с телефоном.

Появился завернутый в большое полотенце парень. Ник тряхнул головой – удивился, как это он пропустил проход парня по «коридорному» монитору.

Девушка поцеловала его, игриво стянула с его тела полотенце. Толкнула его, голого, в кровать и накрыла легким одеялом или толстой простыней – в мониторе было не разглядеть. С полотенцем вышла из спальни, предварительно поцеловав парня.

Он разлегся на спине, руки завел за голову. С дурацкой улыбочкой ожидания уставился в потолок.

А девушка, вернувшись в кухню, взяла с подоконника свои часы, одела на руку, проверив время. Было видно, что она прислушивается к тишине квартиры.

– Ну что? Пора! – произнес Иван Львович, доставая из кармана мобильный телефон.

Он обернулся к Нику.

– Сейчас ты скажешь ему, что под кроватью – взрывное устройство. Что ты его ждешь внизу и на все вопросы ответишь потом.

Полковник набрал номер и передал мобильный Нику.

Ник увидел на мониторе, как парень удивленно уставился на телефонный аппарат, стоявший на тумбочке. Медленно, словно нехотя, повернулся на бок. Снял трубку.

– Алло! – раздался хриплый пьяный голос.

– Сергей? – Ник сделал паузу, суматошно подбирая правильные слова.

– я.

– У тебя под кроватью взрывное устройство, быстро одевайся, я тебя жду внизу.

– Что? Кто это? Что за херня!

Ник увидел на мониторе, как парень бросил трубку рядом на кровать, опустил ноги на ковер. На лице пьяное спокойствие уступало место недоумению. Он наклонился к полу. Сунул руку под кровать и вытащил коробку из-под обуви. Снял крышку, какое-то время рассматривал содержимое коробки – в мониторе этого видно не было, только его голая спина.

Наконец он поднялся, надел майку, «семейные» трусы, джинсовый костюм. Замер на мгновение, прислушиваясь. Потом вышел из спальни.

Дальнейшее развитие событий было похоже на американское кино: он забежал на кухню, несколько раз ударил девушку. Затем поднял ее с пола, перенес в спальню, связал руки и ноги ремнями, взятыми из шкафа. Бросил ее на кровать. Коробку из-под обуви засунул на прежнее место и выбежал из квартиры.

– Пошел! – скомандовал полковник.

– Куда? – ошарашенно спросил Ник.

Полковник торопливо открыл дверцу, почти вытолкнул Ника из микроавтобуса. Выпрыгнул сам. Показал рукой на пятиэтажку за забором детского садика.

– Второе парадное, вон то. Сразу бежишь с ним за дом к дороге. Ловите частника и на вокзал. Поезд через полчаса.

Ник перепрыгнул через невысокий забор, подбежал к дому. Увидел выскочившего из парадного парня.

– Эй, – крикнул ему. – Сюда!

Они выбежали вместе к дороге. Ник поднял руку. Рядом затормозили белые «Жигули».

– На вокзал?! – полуспросил Ник водителя, опустившего стекло в дверце.

– Садитесь! – сказал тот.

Пока ехали, водитель с интересом разглядывал двух пассажиров в одинаковых джинсовых костюмах.

Заметив интерес водителя, Ник тоже осмотрел себя, повернулся к Сергею, и гримаса недоумения застыла на его лице. Джинсовые костюмы были действительно одинаковы и даже, кажется, одного размера. Зачем это было нужно полковнику? Чтобы легче было стать «своим парнем» для Сергея?

Ник покачал головой. Оглянулся еще раз на Сергея – тот сидел, тупо уставившись в затылок водителя. Он то ли был еще пьян, то ли так ошарашен происшедшим, что никак не мог прийти в себя. Слава богу, он не заметил настойчиво-любопытного взгляда водителя.

15

Поезд уходил с двенадцатого пути, и им пришлось бежать сначала по подземному переходу, а потом и вдоль состава, отыскивая нужный вагон.

Наконец уселись на нижней полке, перевели дух.

Сергей первый раз сосредоточенно посмотрел на Ника.

– Кто ты такой? – спросил он.

– Зовут Ник, потом все объясню...

Сергей вяло ухмыльнулся и кивнул.

«Что я ему потом объясню? – раздраженно подумал Ник. – Что я могу ему объяснить?..»

Он задумался, а поезд тем временем дернулся и покатился в неизвестность. Общий вагон был полупустой и, таким образом, становился плацкартным.

Толстая проводница взяла у них билеты.

– Белье брать будете?

Ник кивнул.

– Спрятать что-нибудь надо?

– Что? – Ник поднял на нее удивленный взгляд.

– Что-что! От таможни! – Она посмотрела на «тормознутого» пассажира, как на идиота.

– Нет, спасибо.

– Ваши проблемы, – бросила она и пошла дальше по вагону.

Через три часа, когда оба они уже спали, поезд резко остановился. В вагоне зажегся свет и кто-то крикнул хриплым голосом: «Граница! Подготовить паспорта!»

Ник полез в карман джинсовой куртки. Вытащил свой паспорт, поднес к глазам. Он и не рассмотрел его толком вчера. Помнил только, как получил от Ивана Львовича документ и сразу спрятал в карман.

Это был новый российский загранпаспорт. Открыв, Ник с удивлением увидел свое фото и все свои настоящие данные – и фамилия, и место рождения, и дата.

Откуда полковник все это знал? Может, он сам ему рассказал? Ник попытался вспомнить их совместный ужин в Душанбе. Они тогда много говорили, и Ник действительно рассказывал о себе. Сейчас трудно было вспомнить все, что он говорил полковнику. Он ведь, к тому же, напился тогда. Напился так, что полковник провожал его домой. Напился от обиды – ведь именно в тот день он получил отказ на свой рапорт о переводе в Россию.

Опустив паспорт на стол, Ник оглянулся на Сергея, спавшего рядом на соседней нижней полке.

– Эй, – потормошил Ник его за плечо. – Граница. Проснись.

Сергей открыл глаза, тупо поморгал несколько раз, глядя на Ника.

– Паспорт у тебя есть? – спросил Ник, испуганный неожиданной мыслью о том, что Сергей мог оказаться без документов.

Сергей кивнул. В отличие от Ника, он разделся перед тем, как лечь. Его джинсовый костюм лежал под подушкой. Достав куртку, он вытащил из кармана пожеванный, еще советский паспорт. Положил его на стол и снова откинулся головой на подушку, закрыл глаза.

Ник, подождав минуту и удостоверившись, что Сергей снова заснул, просмотрел его паспорт. Страница «семейное положение» была пуста, детей у него не было. Родился в Донецке 12 сентября 1964 года. Поверх фамилии чья-то тяжелая рука опустила лиловый штампель «Украина».

Положив два паспорта вместе, Ник уселся на своей полке в ожидании пограничников.

Появилась худая остроносая блондинка в зеленой форме. Строго сравнила фотографии в паспортах с лицами. Ничего не сказав, пошла дальше.

Потом появился толстенький невысокий таможенник с короткими аккуратными усиками.

– Ваши вещи? – спросил он Ника.

– Мы без вещей.

– Встаньте!

Ник поднялся. Таможенник проверил багажную коробку под полкой, на которой Ник спал. Ник тоже посмотрел туда и увидел только смятую газету и пару замерших от внезапного света тараканов.

– Деньги, валюта есть? – таможенник возвратил свой прищуренный взгляд на пассажира.

– Есть немного, – чуть помедлив, ответил Ник.

– Этот с вами? – таможенник кивнул на Сергея.

– Да, мы вместе. Мы тут рядом, в Пинск...

Таможенник насупился и стоял молча, словно все еще решая: уходить или нет.

– А какая валюта? Белорусские рубли? – спросил он после паузы.

– Да, – с готовностью подтвердил Ник. – Целый миллион.

– Ладно, – произнес таможенник и направился в следующее купе.

Ник вздохнул с облегчением. Посмотрел на спавшего Сергея. Вот кому можно было позавидовать. Спит, и никто его не беспокоит, ни таможня, ни паспортный контроль!

В Пинск поезд прибыл рано утром. Так рано, что проводнице пришлось несколько минут трясти Ника, приводя его в сознание.

– Вы что! Напились ночью? – кричала она. – Через пять минут поезд отходит! Ваша станция!

Еще не полностью придя в себя, Ник разбудил Сергея, и они едва успели выскочить на безлюдную платформу, как поезд тронулся.

– Который час? – сонно спросил Сергей.

– Без десяти шесть.

– Рань собачья! – пожаловался Сергей, оглядываясь по сторонам.

Они зашли в одноэтажное зданье вокзала. Уселись на деревянные стулья, сбитые в одну сплошную шеренгу в зале ожидания.

– Куда мы дальше? – спросил, зевая, Сергей.

– Переночуем здесь, завтра в Брест, потом в Польшу.

Сергей удивленно уставился в глаза Нику, но похоже, что его желание спать было куда сильнее удивления, и, еще раз зевнув, он закрыл глаза.

16

Виктору не спалось. Он сидел на кухне, опять при выключенном свете. Но луна, заглядывавшая в окно на восьмом этаже, делала видимым даже пар, поднимавшийся над чашкой чая.

Рядом с чашкой лежали три листа бумаги – три меню за двадцатое мая, единственные три меню, в которых посетителям предлагались блины с красной икрой. Перед Виктором в мягком лунном полусвете «лежали» как на ладони три ресторана, где мог последний раз поужинать отставной генерал Броницкий. Ресторан «Козак», «Млын» и ресторан гостиницы «Москва».

Эти меню он перечитал, наверно, раз десять. Сначала, чтобы в очередной раз удостовериться в присутствии блинов с красной икрой. Потом уже просто из интереса к названиям блюд. Многие названия ему ни о чем не говорили. Потом его любопытство вызвали ресторанные цены, и уж совсем под конец Виктор сравнил цены на блины с красной икрой в разных ресторанах. Разница была поразительной. Мысль о том, что одно и то же блюдо может так сильно колебаться в цене, заставила даже мотнуть головой.

За окном под лунным светом спали застывшие на ночь стройки, спала деревня, отступавшая под напором города. Спал город.

Часы показывали полтретьего, но Виктору спать не хотелось. В состоянии тела и в мыслях ощущалось полное равновесие, тишина окружающего мира передавала ему свое сосредоточенное спокойствие.

Захотелось с кем-то поговорить. Он снова посмотрел в окно, словно надеялся увидеть там еще кого-нибудь бодрствующего этой ночью, какой-нибудь живой огонек. Но недостроенные башни смотрели на свою родину пустыми глазницами окон, а деревня была довольно далеко, так что если в каком-нибудь домике и горело окошко, Виктор его все равно бы не увидел: только крыши и деревья.

В какой-то момент Виктор чуть не поднялся из-за стола, чтобы выйти в коридор, достать из кармана пиджака мобильный телефон и позвонить Георгию. Остановило его только время – середина ночи, когда все обычно спят. Правда, Георгию это не мешало самому звонить, когда ему вздумается. Но он никогда не звонил без повода. А какой повод у Виктора? Сообщить, что нашел три ресторана, в которых двадцатого мая подавали блины с икрой? Об этом можно сообщить и утром, а еще лучше пока не сообщать, а сначала поговорить с официантами, показать им фотографии Броницкого.

Он позвонит Георгию, когда из трех останется только один ресторан, в котором Броницкий и ужинал.

17

В Пинске они поселились в маленькой трехэтажной гостинице. Спали до четырех. Потом успели пройтись по нескольким магазинам.

Ник с удивлением заметил подряд два комиссионных магазина. В воздухе запахло советским прошлым. Зашли, купили два потертых чемоданчика за смешные белорусские деньги. Собственно, покупал Ник, а Сергей смотрел на него, кривя губы то ли от недоумения, то ли от врожденного идиотизма.

– Что ты будешь в них ложить? – спросил Сергей на улице.

– Не ложить, а класть.

– А мне пофиг, что ложить, что класть. Ты мне обещал что-то объяснить.

Ник у стало понятно «резинное» выражение лица своего напарника по бегству. Сергей ждал объяснений. Ждал с вечера с перерывами на сон и усталость. Теперь он уже был бодр, и тянуть с объяснением дальше не имело смысла.

– Хорошо. – Ник, вздохнув, кивнул. – Идем сейчас на вокзал, берем билеты до Бреста. Потом где-нибудь присядем поужинать, и я тебе все объясню...

Предложение Сергея устроило, тем более, что он к этому времени всерьез проголодался.

Поезд на Брест уходил через три часа.

По дороге назад в гостиницу они по настоянию Ника зашли в аптеку, купили зубные щетки, пасту.

Двое молодых коротко стриженных мужчин в одинаковых джинсовых костюмах с потертыми чемоданами на безликих серых улицах Пинска выглядели иностранцами.

– Слушай, на хер нам гостиница? Мы там ничего не оставляли, – Сергей замедлил шаг как раз тогда, когда до трехэтажного здания гостиницы оставалось метров сто.

– А паспорта? – спросил Ник.

Сергей недовольно кивнул. То ли шок прошлого вечера отключал временами его память, то ли он вообще был рассеянный.

– Хочешь, постой здесь, – предложил Ник. – Я сам схожу, заберу документы.

Сергей охотно согласился.

Молоденькая девушка лениво оторвала голову от книжки.

– Ключи вы сдавали? – спросила она.

– Да.

– Минуточку. Клава! Клава! – крикнула она в сторону лестницы.

Сразу за лестницей со скрипом открылась дверь, и оттуда выглянула заспанная старушка в синем халате.

– Пойди в тридцать пятый, проверь, все ли на месте. Особенно полотенца и стаканы.

Старушка, взяв у девушки ключ с брелоком в виде тяжелой деревянной груши, прихрамывая на левую ногу, направилась к лестнице.

Ждать пришлось минут десять. Наконец девушка положила на стойку паспорта.

– Приезжайте еще! – сказала вместо прощания и снова уткнула свои маленькие глаза в книжку.

Выйдя на улицу, Ник оглянулся по сторонам. Сергея нигде не было видно. На лбу выступил холодный пот.

«Это же надо было быть таким идиотом! – подумал Ник. – Я ему сам предложил подождать! Черт возьми!»

Он прошел быстрым шагом к перекрестку, где оставил Сергея.

Две улицы, перерезавшие друг друга под прямым углом, были неестественно безлюдны. Через перекресток на красный сигнал светофора проехал грузовик.

В глаза Нику попала бытовка, покрашенная в синий цвет, стоявшая чуть в глубине от дороги. Показалось, что кто-то только что зашел в ее двери.

Присмотревшись, Ник, к своему удивлению, прочитал надпись над дверью бытовки – «БАР». Не больше и не меньше.

«Хорошо хоть, что не ресторан», – подумал он.

Зашел, открыв тяжелые железные двери.

Внутри было тускло. За импровизированной стойкой бара стоял лысоватый мужик унылого вида. За одним из трех пластмассовых столиков сидел Сергей с наполненным стаканом. За другим с бутылкой водки – двое молодых ребят в рабочих комбинезонах.

Ник почувствовал в руках дрожь. Застыл, глядя на спокойно развалившегося в белом пластмассовом кресле Сергея. Понял, что дрожь возникла раньше, на перекрестке, а может быть, еще и на пороге гостиницы, когда он не увидел Сергея.

Сергей поднял глаза.

– Садись! – кивнул он на свободное кресло. – Что выпьешь?

– У тебя что, деньги есть? – удивился Ник.

– Доллары, они берут, – он кивнул на бармена. – У них тут «Приморский портвейн», представляешь?

– Нет, – мрачно ответил Ник.

Сергей достал из нагрудного кармана джинсовой куртки магнитофонную кассету. Вместе с ней – несколько свернутых пополам зеленых купюр. Ник заметил, что купюры – мелкие: пятерки и по одному доллару.

– Поставь кассету! – попросил Сергей, подойдя к бармену. – И двести грамм «Приморского».

Вернувшись, он поставил полный стакан портвейна перед Ником.

В шепотливой тишине бытовки-бара вдруг раздались знакомые Нику ритмические удары.

Он уставился на Сергея, а тот с блаженной улыбкой на лице медленно тянул свой портвейн.

– Эй, – крикнул бармен. – Тут ни хрена нет на твоей кассете!

– Есть, – спокойно ответил Сергей.

Бармен замолчал, прислушался. Он, конечно, ждал музыки. Через пару минут вытащил кассету, положил на стойку.

– Забери! Ни хрена у тебя не записано! – крикнул он, потом повернулся и поставил другую кассету.

В баре запел Розенбаум. Песня про Афган. «Черный тюльпан».

«Очень кстати», – подумал Ник.

Вдруг он заметил, как Сергей медленно поднимается из-за стола, с ненавистью глядя в сторону стойки.

Почувствовав приближающийся пожар, Ник сразу бросился его «тушить».

– Старик, успокойся, давай выпьем!

Ник силком усадил Сергея на место. Судя по тому, как легко ему это удалось, он понял, что «коллега» или пьян, или пьян и уставший еще со вчерашнего.

Ник сам сходил к стойке, взял кассету.

– Уводи его! – негромко сказал ему бармен.

– Пожрать что-нибудь есть? – спокойно спросил его Ник.

– «Сникерсы!»

Ник купил четыре «Сникерса». Вернулся к столу.

– Ты мне что-то объяснить обещал, – промычал Сергей.

– Потом, когда ты в себя придешь. Пошли, скоро поезд. И чемоданы возьми!

Сергей нехотя поднялся. Спрятал кассету назад в карман куртки. Поднял с пола два легких чемодана и, шатаясь, направился к двери.

18

Поход по ресторанам Виктору практически ничего не дал. В «Козаке» официанты с ним разговаривали сквозь зубы. Броницкого никто из них не помнил, хотя Виктору показалось, что официанты ответили «нет» еще до того, как опустили глаза на фотоснимки. В «Млыне» администратор посмотрел на выторг за двадцатое мая и лишь покачал головой. Официантка вспомнила тот вечер, сказав, что только два столика были заняты. За одним праздновали день рождения знакомые проститутки, за другим что-то отмечала компания «спортсменов». Когда взглянули в расходную книгу кухни, выяснилось, что блины с икрой никто в тот вечер не заказывал.

В ресторане гостиницы «Москва» официанты и администратор оказались более приветливы. Броницкого они не узнали, но это, как один из них и сказал, ничего не значило, потому что в тот вечер в ресторане был банкет на сорок человек. Помимо банкета заняты были еще несколько столиков. Блины с икрой были заказаны банкетным столом, но за ним отмечалась шумная годовщина свадьбы, и вряд ли Броницкий мог иметь к ней отношение.

Теперь Виктор ехал на похороны Броницкого. Можно было особенно не спешить – тело подвезут к дому только в одиннадцать. Он придет минут за двадцать до этого, занесет вдове купленный букет траурно-белых калл и заодно осмотрится, кто прибыл на похороны. Больше всего Виктора интересовали встречи с сыном и Максимом Ивиным. От них он надеялся узнать что-нибудь новое о последнем отрезке жизни президентского консультанта по вопросам обороны. Когда Виктор заикнулся по телефону Георгию, что неплохо было бы поговорить с бывшими штабными коллегами покойного, а также с коллегами по президентскому аппарату, Георгий только рассмеялся. Потом сказал: «И не вздумай! Никто не связывает эту смерть с местом работы!» Удивленный Виктор переспросил тогда Георгия, но тот не удосужился объяснить свои слова. Просто дал отбой.

Сейчас, застряв в небольшой пробке перед поворотом на Печерск, Виктор снова вспомнил тот разговор. Вспомнил еще раз и совет человека в штатском, передавшего ему ключи от машины. Не спешить. Так чего они все-таки от него хотят? Чтобы он не спешил? Тогда к чему была та телефонная головомойка, которую устроил ему как-то Георгий, недовольный вялотекущим расследованием? Кто они вообще такие? Кто и откуда? Из СБУ? Это было бы логично, но тогда к чему эта телефонная конспирация? К чему тогда вообще он сам, Виктор Слуцкий, простой лейтенант с небольшим опытом раскрытия мелких уличных преступлений? У них же свои спецы – таких в милиции не найдешь, а если появятся – сразу перекупят! Если б они посчитали его спецом, то тоже, наверное, перекупили бы. Но ведь нет. Он так и остался лейтенантом со своим столом в райотделе!

Остановил машину не перед парадным, как раньше, а в конце дома у выезда со двора. Взял с заднего сиденья букет белых цветов.

Дверь открыла Броницкая. В глазах – слезы, словно только что узнала о смерти мужа. Длинное черное платье, на груди – брошка с темным малахитом.

В квартире сутились женщины. На кухне работала электромясорубка. Одна из женщин сидела за столом и заворачивала готовый фарш в капустные листья. Готовилась традиционная поминальная еда – голубцы.

Пройдя в комнату, Виктор встретился взглядом с пожилым мужчиной. Кивнули друг другу, не знакомясь. Знакомиться на похоронах не принято. Присев в угловое кресло, Виктор прислушался к шумам квартиры, ведь в ней было еще три или четыре комнаты. Шум доносился только из кухни.

Пожилый мужчина встал с дивана. Виктор обратил внимание на его покрытые густой дорожной пылью туфли. Он словно был здесь случайно, создавая своим видом явный диссо-

нанс с хорошо обставленной квартирой и вещами – чистыми, яркими, обращавшими на себя внимание.

Мужчина бочком подошел, сел на соседнее кресло, повернулся лицом к Виктору.

– Извините, вы Вадима сослуживец будете? – спросил он, заглядывая в глаза Виктору.

– Нет, я больше с его супругой общался, – произнес Виктор и тут же смутился, сообразив, что его ответ звучал более чем двусмысленно. Но не говорить же ему в самом деле, что он здесь по долгу службы, а не ради выражения соболезнований!

– Значит, Елены сослуживец, – вслух пришел к выводу мужчина. – А я его отец... Шахтером был, мы ж с Донеччины... Вот мать не смогла приехать – парализованная лежит... Что-то тело не везут! – И взгляд Броницкого-старшего ушел на большие настенные часы в рамочке из полированного дерева.

Виктор кивнул.

– Пойду, на кухню схожу, посмотрю, как там, – проговорил мужчина, поднимаясь с кресла.

– Извините, – Виктор поднял на него глаза. – А сын-то Вадима прилетел?

– Сын? – лицо Броницкого-старшего словно тотчас осунулось. – Нет. Оно ж дорого – из Англии сюда лететь... Не прилетел.

Виктор остался один в комнате. Прошелся по персидскому ковру с высоким ворсом. Потом глянул на свои туфли, испугавшись, что и они грязные, как у отца покойника. Но нет, туфли были «в норме».

Позвонили в дверь. Виктор выглянул в коридор и увидел несколько человек с букетами. Почувствовал себя лишним. Он ведь и в самом деле был здесь лишним, их горе его не касалось.

Тело привезли с опозданием на полчаса. Сразу выгрузили у парадного из автобуса – роскошный гроб, с виду – красное дерево. Выставили на двух табуретках.

Все спустились вниз. Виктор, отойдя чуть в сторону, осмотрел собравшихся – было их не так уж и много, может, человек пятьдесят. Рядом стояли два чистеньких ЛАЗа, черная «Волга» и несколько «Жигулей».

Виктор удивился скромности похоронного кортежа.

Гроб загрузили обратно в автобус. Кортеж тронулся с места. Виктор прошел к «мазде», удивляясь, что хоронят Броницкого без музыки.

Потом – полчаса медленной езды до Байкового кладбища, еще несколько присоединившихся там участников похорон с цветами и венками. Пластмассовые стаканчики с водкой и пирожки с мясом, пущенные по кругу уже после того, как кладбищенские трудяги, «слепив» лопатами могильный холмик, ушли. Виктор тоже взял стаканчик, но незаметно вылил водку на соседнюю могилу. Он следил за окружением Броницкой. Кроме Броницкого-старшего рядом с ней стояли двое серьезных мужчин в дорогих костюмах и несколько женщин.

Вскоре Броницкая начала ходить от одного человека к другому, вежливо и грустно зазывая на поминки.

Снова Виктор пристроился за автобусами, но теперь они ехали уже быстрее.

Два приставленные друг к другу стола были накрыты в гостиной. Кресла и диван вынесли, видно, в другую комнату, а вместо них везде стояли стулья и табуретки.

Уже усевшись за поминальный стол, Виктор осмотрелся и не увидел тех двух мужчин, что стояли у могилы рядом с Броницкой. «Может, попозже будут», – подумал он.

Когда за столом осталось человек шесть, Виктор подошел к вдове и тихонько спросил на ухо:

– А Ивин где?

Она с минуту смотрела на него в недоумении, потом как бы очнулась.

– Он в гостиницу поехал, у него сегодня поезд...

– Куда поезд?

– Обратно...

– А он в какой гостинице остановился?

– В «Москве»...

Не попрощавшись, Виктор вылетел из квартиры. Добежал до машины, понесся в сторону гостиницы.

В регистратура ему сказали, что Ивин сдал ключ больше часа назад.

– Гостиница у него оплачена до завтра, так что можете попозже зайти! – посоветовала белокурая женщина с уставшим от пудры лицом.

Виктор дернулся к выходу. Остановился. Посмотрел на часы. Второй поезд только-только отошел от вокзала. Следующий на Москву будет только через три часа. На проходящих такие люди не ездят.

«Поезд ушел», – понял Виктор.

Вернулся к белокурой даме. Постоял возле стойки, глядя на нее затуманенно.

– Ну чего? – спросила она. – Появится ваш товарищ, никуда не денется!

Виктор кивнул. Потом что-то заставило его сосредоточиться. Он вспомнил слова вдовы о приезде Ивина в Клев накануне гибели Броницкого. Где он в тот раз останавливался?

Снова Виктор уставился на даму, только теперь он смотрел на нее просяще.

– Скажите, вы же регистрируете всех, кто в гостиницу селится?

– Конечно! И паспорта проверяем...

Виктор отошел к киоску, находившемуся тут же в фойе, купил коробку конфет и с ней вернулся к стойке.

– Посмотрите, пожалуйста, останавливался ли у вас во второй половине мая Максим Ивин!

С улыбкой приняв коробку конфет, дама вздохнула и опустила свой взгляд на огромный и толстый гроссбух, открытый перед нею. Пролистала веером широкие и длинные простыни страниц, возвратила свой взгляд на Виктора.

– С пятнадцатого?

– Да.

Еще пару страниц прошелестели в воздухе над ее столом.

– М. Ивин? – она пальцем прижала страницу в одном месте.

– Да! – Виктор перегнулся через стойку, пытаясь дотянуться взглядом до разлинованной исписанной страницы.

– С восемнадцатого по двадцать первое, – сказала дама с улыбкой на лице.

– А номер у него был на одного?

– На двоих, но он там был один...

– Спасибо огромное! – В мыслях Виктор даже поцеловал ее, но ноги уже несли его к выходу, к машине, оставленной на гостиничной автостоянке.

19

Пересечение белорусско-польской границы показалось Нику какой-то ночной мистикой. Белорусских рублей у них оказалось больше, чем надо, и потратил их Ник на купе, в котором они теперь находились вдвоем с Сахно. Сахно опять ехал лежа – он заставил Ника купить три «Зубровки» и три бутылки вина. Его явно беспокоила цифра «три». «Через границу можно провезти по бутылке того и другого на человека или по три на двоих!» – упрямо заявил он еще в Бресте, как только они купили туристские ваучеры для поездки в Польшу. Теперь пустая бутылка из-под «Зубровки» стояла под столом купе, а сам Сахно мирно лежал на своей полке, время от времени издавая импульсивный храп и переворачиваясь на другой бок. Перед тем как «отвалиться», он выложил из кармана джинсовой куртки два паспорта и оставил их на краю стола. Один, мятый, Виктор уже видел при въезде в Белоруссию, но теперь рядом с ним, а точнее сверху, лежал загранпаспорт советского образца.

Воспользовавшись отключкой Сахно, Ник просмотрел и эту «краснокожую паспортину». Срок действия паспорта истекал через три месяца, а почти на каждой его странице, как полиграфический брак, красовалась одна и та же виза, а точнее виза одной и той же страны – Чехословакии. Присмотревшись повнимательнее, Ник понял, что первые несколько виз были чехословацкими, а последние – чешскими. Так что паспорт шел в ногу со временем.

«Интересно, что Сахно делал в Чехии?» – подумал Ник. Нашел последнюю визу – десятидневную, выданную в апреле этого года.

Додумать, как, впрочем, и доизучать паспорт, не хватило времени. Зашел молодой пограничник, забрал оба паспорта, просмотрел внимательно туристские ваучеры, кивнул и ушел.

Буквально через десять минут поезд «растолкали» на отдельные вагоны, мощные трехметровые домкраты подняли вагон над землей, с лязгом укатились куда-то железные колеса.

Ник выглянул из окна – под вагоном в желтом свете прожекторов суетились железнодорожники.

Сахно снова захрапел.

Ник тоже прилег на свою полку. Он лежал на спине. Пробовал посчитать, сколько километров было между Душанбе и Брестом. Прикидывал-прикидывал и бросил эту умственную затею. Между Душанбе и Саратовом было, наверно, добрых две тысячи километров, а от Саратова до Киева полтора суток на поезде. Заболела голова. Ник расслабился, подумал о жене, о сыне. Вспомнил широкую и медленную саратовскую Волгу. Защемило сердце. Сейчас между ним и семьей лежала где-то одна прозрачная граница, но пройдет час, или даже меньше, и словно железные ворота захлопнутся. Останется позади Белоруссия, останется весь бывший Союз. Все останется позади, и он начнет ждать возвращения. Только куда ему возвращаться? В Саратов или в Киев? Конечно, в Саратов есть к кому возвращаться, но некуда. В Киеве обещаю квартиру, и, вернувшись и получив ее, он сможет с гордостью вытащить из Саратова своих. Встретить их на вокзале, отвезти на такси к дому. Какой это будет дом? Сколько в нем будет этажей? На каком этаже они будут жить? Лучше всего на третьем, надо будет попросить полковника о третьем этаже... Хорошо бы, чтобы у Володьки была отдельная комната. Он уже, в общем-то, взрослый человек, школа позади, будет друзей и девчонок домой приводить...

Вагон со скрипом начал опускаться к земле. Произошла стыковка с колесами, потом его туда-сюда покатали, пока новый толчок не возвестил о воссоединении с родным составом.

Минут через пятнадцать тот же пограничник занес в купе паспорта. А Сахно как спал, так и продолжал спать.

Уже и поезд тронулся в ночь, выполз из-под мощных прожекторов. Где-то по этой темноте и проходит граница, и поезд перенесет его сейчас за следующий географический предел,

на запад. Потом, наверно, он будет так же возвращаться, через Брест в Киев. А может быть, и напрямую, ведь у Украины есть своя граница с Польшей.

Колеса поезда застучали в спокойно-усыпляющем ритме, и Ника стало клонить в сон. В купе было прохладно, но Ник снял джинсовый костюм, сложил и спрятал под подушку. Щелкнул выключателем, погрузив купе в полную темноту, и накрылся верблюжьим одеялом неопределенного цвета.

Через несколько часов поезд въехал в польский рассвет. Проснулся Ник от громкого храпа напарника, заметил, что паспорта теперь лежали на столе по-другому. Понял, что их кто-то проверял, пока они спали. Просмотрел свой и нашел в нем печать польского пограничника. Подумал о поляках с благодарностью, ведь не разбудили, сами разобрались и дальше пошли.

За окном под уже монотонный храп Сахно пробегали польские поля и деревни. Ник с интересом рассматривал дома. Казалось, что чем дальше ехал поезд, тем богаче и больше эти дома были.

Сахно с закрытыми глазами протянул руку под стол. Звякнула пустая бутылка из-под «Зубровки», упала, покатила. А Сергей нащупал рукой кулек, в котором лежала еда, купленная в дорогу. Вытащил оттуда вслепую кусок копченой колбасы, поднес ко рту и смачно куснул вместе со шкуркой. Так же не глядя положил палку колбасы на стол рядом с паспортами и, повернувшись к стенке, снова захрапел.

«Это был завтрак!» – с улыбкой подумал Ник, следя, чтобы палка колбасы не перепрыгнула через паспорта и не оказалась на грязном полу.

Уже через минуту следить за катанием колбасы Нику надоело, и он положил ее на место, в кулек. А сам оделся, скатал матрас вместе с простынями и подушкой, забросил на верхнюю полку и уселся у окна.

Вскоре в купе заглянул проводник с помятым лицом и двумя стаканами чая. Ник взял чай. Завороженно глядя в окно, он выпил оба стакана.

Сахно проснулся во время двадцатиминутной остановки в Варшаве. Проснулся, тряхнул головой. Прислушался к громогласным вокзальным объявлениям.

– Чего они говорят? – спросил.

– Я польского не знаю.

– Хреновый ты переводчик! – криво усмехнулся Сахно. – Чай дают?

– Дают.

От Варшавы до Познани почти пять часов пути. И все эти пять часов Ник и Сахно сидели напротив друг друга за столом, глядя в основном в окно. Они еще два раза пили чай. Потом Сахно захотел открыть вторую бутылку водки, но Ник не дал. Странно, но Сахно не стал спорить.

– Так куда мы едем? – спросил он.

– Сейчас в Познань.

– А на хер я тебе нужен? – Сахно прищуренно уставился в глаза Нику.

– Ты мне и на хер не нужен, – ответил ему на его же языке Ник. – Я тебя вытащил, сделаешь одну работу, получишь кучу денег, и попрощаемся...

Сахно закивал, размышляя.

– Так ты, видно, про меня много знаешь, – сказал он задумчиво через минуту.

– Ага, – ответил Ник, выковыривая кусок колбасы, застрявший в зубах.

Сахно снова кивнул.

– Значит, ради этого одного дела ты меня и вытащил... Да?

– Да, – кивнул Ник.

– Ладно, – неожиданно расслабленно произнес Сахно. – От одного дела еще никто не умирал... – И он довольно улыбнулся, словно удачно пошутил экспромтом.

Заметив его улыбку, Ник еще раз прокрутил в голове только что сказанную Сергеем фразу, и до него дошел ее второй смысл. Конечно, Сахно ехал с ним не ради компании, не в турпоездку. И от этого «дела», которое предстоит сделать Сахно, кто-нибудь да умрет...

Ник первый раз задумался о том, что, по сути, они с Сахно были чем-то вроде «рабочей группы», в которой он, Ник, исполнял роль переводчика и еще кого-то, а Сахно был обычным исполнителем. Впрочем, не обычным, а с некоторыми вывихами. Он был скорее малоуправляемым исполнителем, так что трудно было пока представить, чем закончится их экспедиция, тем более, что даже конкретные цели этой экспедиции Нику не были ясны. Абстрактную цель Иван Львович поставил, а все конкретное должен был объяснить в Познани Александр Возняк.

«Три пятерки, четыре, два, один», – вспомнил Ник его номер телефона.

Посмотрел на часы – в Познань они должны были приехать к обеду.

В Познани Ник позвонил Возняку прямо с вокзала. Тот попросил подождать его на площади перед входом в вокзал, рядом со стоянкой такси. Удивительно, что Возняк даже не спросил, как они выглядят, словно был уверен, что узнает их.

Грелись они на солнышке перед вокзалом добрых полчаса, прежде чем рядом, на стонке такси, не затормозил старенький синий «мерседес». Водитель, плотный круглолицый мужчина лет пятидесяти в яркой летней рубашке с коротким рукавом, перегнулся через переднее пассажирское сиденье, опустил в дверце стекло и крикнул им: «Садитесь!»

Они ехали улицами незнакомого города, сидя на заднем сиденье. Смотрели каждый в свое окошко, а водитель, то и дело подравнивая внутреннее обзорное зеркальце, посматривал на них, на двух одетых в одинаковые джинсовые костюмы молодых людей. Посматривал он на них напряженно, о чем-то размышляя. Время от времени на его губах возникала скептическая полуулыбка, которую он тут же прятал, словно она появлялась против его воли.

Подъехали к маленькому кафе на окраине города.

– Пошли, перекусим, – пригласил водитель «мерседеса».

В кафе он что-то заказал по-польски. К их столику тотчас подбежал бармен, поставил три бутылки пива, три салата, переспросил что-то у Александра Возняка и отошел в сторону.

Пили пиво. Возняк расспрашивал о Киеве. Отвечал ему в основном Сергей. Нику особенно говорить было не о чем. Что он в Киеве видел? Домик на двадцать шестом километре какого-то шоссе, набережную Днепра и вечерние улицы, по которым его возили на шикарной машине.

Сахно неожиданно оказался разговорчивым и рассказывал Возняку о новых магазинах, ресторанах. Показал он ему и новую украинскую валюту – Возняк с интересом рассмотрел несколько купюр, потом вернул их.

Бармен принес бигус – свинину с капустой.

Когда поели, продолжая ничего не значащий разговор, Возняк взял еще по пиву. Потом предложил Сахно польской водки. Сергей обрадовался.

Возняк сам подошел к стойке бара, взял стаканчик водки и блюдце с нарезанным соленым огурчиком и поставил на столик в противоположном углу кафе.

– Извини, Сережа, – он показал взглядом на тот столик. – Нам надо с Ником переговорить, а ты пока там посиди!

Сахно без всякой обиды поднялся и пошел к столику с водкой. А Александр Возняк, проводив его взглядом, достал из кармана два синих паспорта. Молча протянул их Нику.

– Спрячь, потом посмотришь, – сказал он. – Вы теперь граждане новой Югославии. Ты, должно быть, югославский еврей. Нико Ценский. Этот, – он кивнул с некоторым пренебрежением в сторону Сергея, – Иво Сахнич. С такими паспортами вам будет полегче. У вас уже стоят немецкие визы. Вот по три тысячи марок, – Возняк положил на стол два узких коричневых конверта. – Через час электричка в Германию. Немецкий ты знаешь?

– Учил, – кивнул Ник.

– Доедете до Берлина, там пересадка на электричку до Кобленца. Разберешься. В паспортах ваши билеты. В Кобленце недалеко от вокзала гостиница «Мауэр». Недорогая и вполне приличная. Поселитесь там и будете спокойно отдыхать от дальней дороги, пока вас не найдут.

– Пока кто не найдет?

– Не беспокойся, это будет наш человек.

20

«Неудачные» похороны нарушили планы Виктора. Если бы неожиданно не выяснилось время пребывания Максима Ивина в Киеве, день можно было бы считать потерянным. Но всякая неудача приносит с собой какой-то неожиданный успех, если только заметить его. Это как побочное действие от лекарства, только наоборот. Побочное действие неудачи. И теперь прямая или косвенная причастность Ивина к смерти Броницкого казалась Виктору почти доказанной. Прогулявшись по городу, он через пару часов снова вернулся к гостинице «Москва», где раньше оставил машину.

Зашел в фойе. За стойкой регистратуры сидела уже другая женщина, брюнетка лет сорока пяти с блестящими, покрытыми лаком волосами, вознесшимися над головой в форме небольшого аэростата.

Виктор подошел к даме с возвышающейся прической. Спросил, где в гостинице или поблизости можно выпить кофе.

– В ресторане, – ответила дама. – Но там знаете, какой кофе? – Она сочувственно улыбнулась. – Поднимитесь лучше на пятый этаж в буфет, там хоть кофеварка нормальная...

Виктор, поднимаясь в лифте, задумался об Ивине. Ему было интересно, где он обедал, пока жил в гостинице: в ресторане или в буфете?

Буфет оказался довольно уютным, с низкими диванами и пуфиками за такими же низкими столиками. Обедать здесь было бы неудобно, а пить кофе или вино – идеально. Присев на угловой диванчик, Виктор мгновенно расслабился. Надо было подойти к стойке, тем более, что очереди пока не было. Вообще никого перед стойкой не было, хотя в буфете находились мужчина и женщина. Они сидели у окошка, пили пиво из стаканов и негромко разговаривали.

С трудом поднявшись, Виктор заказал себе кофе.

Бармен принес чашечку кофе на блюдце и маленькую шоколадку. Поставил на столик сахарницу.

Виктор полез в карман пиджака за мелочью.

– Сколько с меня? – спросил он.

– Гривна десять, будете уходить – расплатитесь! – сказал бармен и вернулся за стойку.

Место это показалось Виктору немного нереальным, а то, что здесь не брали денег вперед, – вообще вызывало ощущение, что находишься где-то за границей.

Заедавая горький крепкий кофе шоколадкой, Виктор думал, что хоть его обычный мир как бы проще и грубее, но и этот мир – с мягкими диванами, низенькими столиками с черными стеклянными столешницами, с вежливыми барменами, этот мир ему тоже нравится. Пускай он здесь редкий гость, но ничто ему не мешает превратиться в более частого гостя. Может, он когда-нибудь придет сюда с Ириной и дочкой. Жизнь, какой бы она ни была трудной и иногда серой, все равно улучшается. Может, когда-нибудь они будут даже обедать по воскресеньям в ресторане всей семьей? Хотя зачем? Можно и дома вкусно приготовить...

Мысли его стали входить в противоречие друг с другом. «Это усталость», – понял Виктор.

Попросил у бармена еще чашечку кофе. Пересел к окну, из которого открывался красивый вид на Крещатик, на фонтаны площади Независимости.

Бармен нашел его глазами и вторую чашечку с шоколадкой поставил перед Виктором уже на новом месте.

Виктор кивнул. Как-то очень легко он привык, что кто-то может учтиво приносить ему кофе.

Взгляд его упал на рекламный дирижабль, болтавшийся в воздухе на канате на холме слева. Дирижабль рекламировал «Адидас».

«Это же то самое место, откуда взлетел Броницкий!» – понял Виктор.

Нет, он с самого начала знал, что именно оттуда взлетел дирижабль с высокопоставленным трупом. Он просто до этого момента не имел возможности так хорошо рассмотреть это место.

Взгляд его ушел дальше, на площадь перед главпочтамтом. Он заметил будку ГАИ и сидящего в ней милиционера.

Глотнул горького кофе, провел между будкой и дирижаблем невидимую прямую линию. Расстояние между ними было небольшое, и, наверно, со стороны будки дирижабль тоже был хорошо виден.

Решив потом посмотреть на дирижабль снизу, Виктор допил кофе. Подошел к стойке, расплатился. Перед тем как выйти, остановился перед стоявшим в виде раскрытой книжки меню. Пробежал его глазами и замер, удивленный. В меню буфета значились не только конфеты, пиво, кофе и прочие напитки. Там же предлагались отбивные, жареный картофель, курица и блины с красной икрой.

Озадаченный, он подошел к бармену.

– Еще что-нибудь? – опередил его вопросом молодой человек с бабочкой.

– Извините, – Виктор вдруг запнулся. Ему не хотелось выдавать себя. Он испугался, что как только начнет задавать вопросы, все уважение, вся учтивость бармена испарятся. Ведь автоматически он перейдет из разряда клиента в разряд следователя.

– У вас есть блины с икрой? – спросил после заминки Виктор.

– Есть, – кивнул бармен. – Надо только минут пять-десять подождать – горячее мне поднимают из ресторана. Позвонить?

– Нет-нет, спасибо. Мало времени. – Виктор вздохнул с облегчением. – В другой раз.

– Приходите еще, – улыбнулся бармен.

– Приду, – пообещал Виктор.

Вниз он спустился пешком. Снова ноги повели его прочь от автостоянки. Он спускался по ступенькам лестницы, ведущей к фонтанам. Поравнялся с дирижаблем, подошел к нему.

Площадка, над которой парил дирижабль, была обнесена красными дорожными барьерчиками. Нижний конец каната был привязан к большому газовому баллону. Рядом на земле лежали еще два таких баллона, стянутых вместе в двух местах брезентовыми ремнями. Поблизости никого не было.

Потоптавшись под дирижаблем, Виктор спустился к фонтанам, перешел на другую сторону площади. Оглянулся на дирижабль. С этой стороны он особенно сильно бросался в глаза.

Прогуливаясь, остановился рядом со стеклянной будочкой ГАИ. Отсюда тоже был отличный вид.

Из будки вышел сержант, строго посмотрел на Виктора.

– Вам что здесь надо? – спросил он недовольным голосом.

– Ничего, просто прогуливаюсь...

Виктору снова не захотелось раскрываться и задавать гаишнику уже возникшие в голове вопросы. Это можно будет сделать и попозже. Зачем сейчас себе настроение портить?

«Надо ехать в Москву и как можно быстрее, – подумал он. – Если неожиданно припереть этого Максима Ивина к стенке, он, может, и расскажет все...»

Ночью, сидя на кухне, Виктор позвонил Георгию. Голос у того, к удивлению Виктора, оказался бодрый. Мысль о поездке в Москву он после недолгой паузы одобрил.

– Хорошо, – сказал Георгий. – Завтра поедешь на два дня. Билеты привезут утром в райотдел. Только запомни мой совет: если почувствуешь, что он замазан, – договорись о следующей встрече и немедленно возвращайся в Киев.

Ожидая билеты, Виктор не тратил время даром. Он вызвал своего стажера. Отправил его в ГАИ выяснить, кто дежурил в будке на площади Независимости в ночь с двадцатого на двадцать первое мая. Найти его и допросить. Узнать, видел ли тот гаишник что-нибудь или нет.

Когда окрыленный новым заданием стажер Занозин почти бегом выскочил из кабинета, Виктор расслабился. Сунул в стакан с водой кипятивник. Достал баночку из-под майонеза с молотым кофе, две ложечки. Подготовил и второй стакан с водой, после чего позвонил майору Крысько.

– Товарищ майор, зайдите ко мне на кофе! – проговорил Виктор в трубку наигранно-сухим голосом.

– Ну ты охамел! – рассмеялся в ответ майор. – У тебя хоть сахар есть?

– Так точно!

– Хорошо, иду.

Пока майор шел по коридору, Виктор затолкал свою дорожную сумку с вещами под стол – Крысько еще не знал, что лейтенант этим вечером едет в Москву.

21

Ник сам удивился живучести своего немецкого. Вроде и учил давно, а на вокзале Берлин-Зоопарк сумел не только спросить в «информации», когда и откуда уходит поезд на Кобленц, но даже понял ответ длинновязого парня в скучно-синей униформе с биркой на груди, на которой значились его имя и фамилия.

– Ну че? – спросил Сергей Сахно, стоявший с двумя чемоданами в трех метрах от справочной будки.

– Вторая платформа, третий путь. Поезд через полчаса.

Мимо прокатил свою желтую тележку уборщик вокзального мусора, одетый в свободный комбинезон и тоже с биркой на груди.

Ник проводил его взглядом. Его посетило ощущение легкой отмороженности – словно был он водолазом, опущенным в подводное царство, где и мир был другим, и рыбы – невиданными. Вот-вот те, что сверху, дернут за шланг, по которому воздух идет, и вытащат его обратно, наверх...

«Нет, сразу не вытащат, – подумал в ответ на свои ощущения Ник. – В лучшем случае через месяц-два. А за эти месяц-два еще неизвестно, что произойдет...»

– Ну че, поперли? – спросил Сахно, уставившись с ухмылкой на Ника. – Ты что, первый раз за бугром? Неужто в ответственные заграникомандировки раньше не посылали?

– В Африке был, – проговорился Ник и тут же внутренне собрался, напрягся, прогоняя ощущения водолаза. – Пошли, – обернулся он к Сахно.

Поезд до Кобленца был сидячим. Обычная электричка. Только очень чистая и сиденья, как диваны.

Через каждые полчаса по проходу проезжала тележка с чаем-кофе и разными закусками.

Когда она проехала в очередной раз, Сахно повернулся к Нику и пристально посмотрел ему в глаза.

– Знаешь, я хоть и люблю выпить, но не слепой же! Ты от своего дружка в Польше не только паспорта получил. Он тебе еще два конверта дал. Наверно, с деньгами? – Сахно улыбнулся.

– Наверно.

– А два потому, что один – для меня? Да?

– В Кобленце дам, – сухо пообещал Ник, представив, как Сахно начнет тратить свои дойчмарки.

– Да мне раньше и не надо, – удовлетворенно проговорил Сергей, вытащил из нагрудного кармана джинсовой куртки три паспорта – два красных и один синий, движением картежника развеерил их и снова хитро посмотрел на Ника.

– Так мы с тобой теперь братья-югославы? Сербы, значит...

Он развернул синий паспорт и прочитал вслух: «Иво Сахнич, родился 12 июля 1959 года».

– Слушай, откуда у твоих друзей мое фото? И дата рождения правильная... Вот только с местом рождения... – И он покачал головой. – Что я, мудака, чтобы в Сараево родиться? А тебя как по паспорту?

– Нико Ценский...

– Че это за фамилия? Таких югославов не бывает!

– Это моя настоящая фамилия.

– По благу оставили? Чего ж ты за меня словечко не замолвил? А все-таки, что это у тебя за фамилия? Еврейская?

– В Югославии – еврейская, а я – русский.

– Фамилия – еврейская, а он – русский. – Сахно усмехнулся и отвернулся. Проводил взглядом высокую молодую немку, толкавшую по проходу очередную тележку с едой и напитками. – Слушай, у нас же еще две «Зубровки» и вино, – задумчиво произнес он.

– Потом, в Кобленце...

– А колбасу мы доели?

– Нет, в купе оставили...

– Но на немецкую колбасу у нас денег хватит?

– Хватит.

Через три часа, когда поезд подходил к Кобленцу, Ник уже был вне себя от непрерывных вопросов и подколок Сахно.

«Уж лучше бы дал ему выпить. Может, хоть проспал бы он всю дорогу?» – думал Ник, первый раз долго пообщавшись с трезвым напарником.

– Wo ist hier hotel «Maueг»? – спросил Ник у служащей бюро справок Кобленцкого вокзала.

Пока девушка с короткой мальчишеской стрижкой нажимала клавиши на своем компьютере, Ник прочитал ее нагрудную бирку. Немку звали Хайди.

Она объяснила, как дойти до гостиницы, а Ник сказал «Vilen dank, Heidi» и поймал в ответ ее удивленную улыбку.

– Ну, заклеил? – спросил Сахно, наблюдавший за диалогом со стороны.

– Пошли, гостиница рядом.

Гостиница «Мауэр», располагавшаяся в длинном трехэтажном здании, оказалась полна негров.

Даже перед стойкой регистрации стояло несколько из них. Остальные уже сидели за кофейными столиками фойе и чего-то ждали. Один пожилой негр с седыми волосами действительно пил кофе – он по крайней мере выглядел респектабельно.

– Слушай, может, пойдем в другую гостиницу? – спросил Сахно.

– А ты что – расист?

Сахно промолчал. Потом скривил губы в усмешке:

– А, я забыл! Ты же специалист по Африке...

Номер им дали на третьем этаже с окном на улицу. Две аккуратно застеленные кровати, телевизор, укрепленный на кронштейне на стенке, письменный стол со стулом и два небольших кресла.

– Я на этой! – Сахно бросил свой чемодан на левую кровать.

«Оттуда телевизор смотреть удобнее», – понял Ник и молча подошел ко второй кровати.

– Так, где тут ванная с туалетом? – сам себя спросил Сахно и вышел в коридорчик номера.

Ник подошел к окну. Улица перед гостиницей была безликой и серой. Два офисных здания напротив, ни одного дерева.

Из ванной донесся шум душа. Сахно что-то негромко пел. Прислушавшись, Ник вроде уловил мелодию знакомой с детства революционной песни.

Минут через пять песня закончилась, и Сергей с мокрой головой вернулся в комнату. Голый, на бедрах завязано белое полотенце, в руках – два стакана.

– Ну что? Вино или водка? – спросил он.

– Вино, – сказал Ник, вздохнув.

Сахно полез в чемодан, достал бутылку портвейна, открыл. Налил по полному стакану.

– За благополучное прибытие! – он приподнял свой стакан и кивнул Нику.

Потом он скачал с Ника коричневый конверт с деньгами. Заглянул внутрь.

– Ничего, на первые дни хватит! – прокомментировал он увиденную сумму. – А там, наверно, еще принесут? – И он посмотрел на Ника с хитрой ухмылочкой.

Выпив два стакана, он снова оделся в джинсовый костюм, сунул в нагрудный карман сложенную вдвое пачку дойчмарок. Теперь его оба нагрудных кармана оттопыривались с такой силой, что казалось, вот-вот прорвутся.

– Ты бы хоть паспорта вытащил, – посоветовал ему Ник. – Не украдут.

– Ни хрена! Все свое ношу с собой! – сказал на это Сахно. – Так, я пойду прогуляюсь. Может, где-нибудь колбасу на вечер найду. А ты делай, что хочешь!

– Подожди, – остановил его удивленный Ник. – К нам могут прийти...

– Не к нам, а к тебе. Вот ты и дежурь по номеру. Пока!

Хлопнула дверь, и Ник остался один. Чувствовал он себя полным идиотом. Настроением снова командовала усталость. Он допил портвейн, включил телевизор и прилег на кровать. Сахно – все-таки оттуда смотреть телевизор было удобнее.

Он и заснул под какую-то дурацкую немецкую песенку в исполнении толстоногой немки, одетой в короткое салатное платье в красный горошек.

22

В Москве стояла жара. Невыспавшийся из-за ночных таможенных шмонов сначала украинцев, потом россиян, Виктор смотрел на остановившуюся за окном купе платформу Киевского вокзала затуманенным взглядом. В купе до Калуги с ним ехал сосед – молодой коммерсант, полдороги доказывавший Виктору, что скоро жизнь станет лучше. Все бы ничего, только ведь Виктор с ним не спорил. Он лишь кивал и поддакивал, а коммерсант и выпил-то почти ничего – две бутылки пива, купленные в буфете поезда, – а вел себя, словно несколько стаканов водки принял. После Калуги Виктор спал мертвым сном и почти проспал прибытие поезда в столицу бывшего Союза. Только глухой механический голос вокзальных объявлений разбудил его.

Вокзал жужжал суетной жизнью, несмотря на то, что была суббота – день не очень популярный для путешествий.

Виктор быстро оделся. К своему ужасу заметил, что снятая с вечера «тэтэшка» вместе с плечевой кобурой пролежала всю ночь под столом в сумке с незакрытой молнией.

По спине пробежал холодок, когда он вспомнил, как вставал два раза ночью, а таможенники поднимали под ним полку и заглядывали во все углы купе. Казалось, что только открытой сумкой, стоявшей под столом, они не поинтересовались. А что было бы, если б нашли? Ведь он теперь за границей, и его корочка с трезубом здесь могла бы вызвать разве что скептическую ухмылку. Вряд ли кто-нибудь подумал бы, что она дает право на ввоз в Россию пистолета.

Но, слава богу, граница теперь далеко позади. Можно отвлечься от ненужных волнений и сосредоточиться на предстоящих двух днях. Сперва – в гостиницу. Вместе с билетами Виктор получил в райотделе от курьера в штатском конверт с командировочными. Восемьсот тысяч рублей. Звучит, как целое состояние. За два дня он, пожалуй, и половину этой суммы не потратит...

Однако иллюзии рассеялись через полчаса, когда он заполнил листок прибытия в гостинице «Киевская».

Регистраторша, забрав у Виктора листок прибытия и паспорт, выписала гостиничный пропуск. Записала фамилию в тетрадь.

– На сколько дней? – спросила, подняв подведенные синим цветом глаза.

– Пока сутки.

– Тогда завтра до одиннадцати подойдете и скажете: продлеваете или нет. Если нет, до двенадцати надо будет освободить номер и заплатить.

– А не сейчас? – удивился Виктор.

– Паспорт-то у нас остается, – женщина улыбнулась и пожала плечиками. – Вас еще должны зарегистрировать в милиции. Такие правила. За это еще сто двадцать тысяч, потом все вместе оплатите.

Получив ключ с латунной биркой, на которой был выбит номер комнаты, Виктор понес свою сумку к лестнице.

Комната располагалась на втором этаже. Окно выходило в грязный хоздвор гостиницы. Зато занавески на окне были яркие и радостные, так что Виктор сразу окно ими задернул. Достал записную книжку. Уселся за стол, на котором стоял телефон.

Сначала набрал номер некоего Владимира Ивановича Козицкого. Решил, что начинать надо со второстепенных людей. У кого-то из этих двоих он, может, что-то новое и про Ивина узнает, перед тем как уже с ним говорить.

У Козицкого никто не брал трубку.

«Неужели никого нет дома? Ведь суббота, выходной! – подумал Виктор. – Переехали они недавно, так что вряд ли так быстро обзавелись дачей...»

У второго бывшего сослуживца Броницкого тоже никого не оказалось дома. Огорченный Виктор смирился с мыслью, что говорить придется сначала с Ивиным. Набрал его номер, и почти тут же на том конце сняли трубку.

– Алло? – прозвучал приятный женский голос.

– Максима Петровича можно?

– Он вышел. Оставьте ваш телефон, он вам перезвонит, – сказала женщина.

Виктор напрягся. Ему не хотелось испугнуть Ивина, заставить его спрятаться.

– А когда он вернется? – спросил он.

– Может, через полчаса...

– Если вы разрешите, я к вам подъеду. Может, за это время он и подойдет?

– А вы адрес знаете?

– Да.

– Ну хорошо, подъезжайте, – легко согласилась женщина.

Спрятав «тэтэшку» на самое дно сумки, Виктор сунул ее под полуторную кровать.

Переписал с инструкции номер своего гостиничного телефона. Внизу сдал ключ и вышел на яркое летнее солнце.

Пока ехал к Ивину, обдумывал вопросы. Пробовал представить себе его реакцию, сам будущий разговор. Беспокойная ночь забылась, на смену утренней сонливости пришла бодрость охотника. Но когда он оказался на Кутузовском, каменная мощь проспекта словно придавила его к асфальту. Он посмотрел на сталинские дома, стоявшие шеренгой широкоплечих насупленных полковников. На мгновение ощутил себя в каменной западне, в тупике с перекрытым выходом. В воздухе пахло плавленым асфальтом и выхлопными газами.

Пока нашел нужный дом, самоуверенность вернулась. В парадном за стеклянной стенкой сидел пожилой охранник в камуфляже, видно, сам отставник.

– Куда? – спросил он Виктора.

– К Ивину, в шестьдесят вторую. Он меня ждет.

Охранник кивнул в сторону лифта.

Лифт был чистеньким, внутри висело зеркало. Поднимался он вверх медленно и беззвучно, и Виктор подумал, что когда-нибудь и на свой восьмой этаж будет подниматься на лифте. Правда, в новых домах лифты быстро приобретают загаженный вид и такой же запах. А здесь даже пахло, казалось, дезодорантом.

Остановившись перед высокими двойными дверями, Виктор прислушался. Помедлил. Потом нажал кнопку. Отдаленный звон подчеркнул то ли толщину дверей, то ли то, что двери были двойными.

Прошла минута, но из-за дверей не донеслось больше ни звука. Виктор еще раз позвонил. Потом еще раз.

Минут через десять спустился вниз, хотел спросить охранника, видел ли тот Ивина. Но охранника не было. За стеклянной загородкой на столе лежала открытая книга, а ее читатель отсутствовал.

На улице Виктору пришлось какое-то время побродить в поисках телефона. Потом выяснилось, что нужен жетон, и пока он нашел газетный киоск с жетонами, прошло еще минут пятнадцать. Наконец, закрывшись в телефонной будке, он набрал номер Ивина.

«К сожалению, никого нет дома, – сообщил автоответчик. – Оставьте ваше имя и номер телефона. Вам перезвонят».

Виктор набрал номера двух других бывших киевлян, но там по-прежнему не снимали трубки.

Что-то подсказывало Виктору, что эти люди специально спрятались, что они не хотят с ним говорить. И, наверное, не только с ним, но и вообще ни с кем. Так можно звонить каждый день с одинаковым результатом.

Пока возвращался в гостиницу, Виктор успокоился. Решил снова звонить вечером, а если не дозвонится – то уже ночью или утром. Во всяком случае у него есть время до завтрашнего вечера. Поезд около девяти, так что почти все воскресенье в его распоряжении.

Прилег отдохнуть и проснулся только к семи. Снова позвонил. Прослушал сообщение автоответчика и длинные гудки других номеров.

Поднялся в гостиничный буфет на третьем этаже. Съел салат из овощей и бутерброд с салями, оставив взамен пятнадцать тысяч рублей.

Ночью проснулся около трех и, осмелев, снова набрал номер Ивина. Тот же результат.

К утру Виктор смирился с очевидной бесполезностью этой поездки. Собрал сумку. Спустился с ней вниз.

Подшел к администратору, достал из бумажника пятьсот двадцать тысяч. Объяснил сидевшей за столом даме, что освобождает номер и хочет заплатить за сутки.

Дама взяла деньги, потом посмотрела в свою тетрадь и возвратила на Виктора недоуменный взгляд. Протянула обратно четыреста тысяч и его паспорт.

– У вас заплачено, – сказала она. – Только сто двадцать тысяч за регистрацию.

– Как заплачено? – удивился Виктор.

– Откуда я знаю как? Деньгами!

– А кто заплатил?

– Я только час назад смену приняла, так что не знаю, кто там за вас заплатил... Вам что, хочется два раза платить?!

Виктор отошел в сторону. Женщина все еще сверлила его недоуменным взглядом.

А он и сам был в недоумении. С одной стороны, это было похоже на ошибку, но ошибка эта, сэкономив ему четыреста тысяч рублей, сделала кого-то беднее на эту же сумму. Оставалось только надеяться, что тот, кто ошибся, не покончит в результате с собой.

Виктор улыбнулся. Другое объяснение ему в голову не приходило, ведь в Москве он никого не знал, никогда до этого не был и даже встретиться ни с кем не смог.

Он сходил на вокзал, оставил сумку в ячейке автоматической камеры хранения. В вокзальном газетном киоске купил еще десяток телефонных жетонов и пошел бродить по Белокаменной, регулярно останавливаясь перед городскими таксофонами. Жетоны потихоньку таяли благодаря включенному автоответчику Ивина. Звонки двоим другим пока были бесплатными.

Устав, Виктор к восьми вечера вернулся на вокзал.

С нулевым результатом, если не считать обеда в невзрачной кафе-стекляшке на Старом Арбате стоимостью в половину сэкономленной на гостинице суммы.

Накупил в дорогу московских газет, выпил вокзального растворимого кофе. Забрал сумку из камеры хранения и поплелся потихоньку на платформу, с которой должен был уходить его поезд.

Поезд только-только подали. Проводник ближайшего вагона обтирал тряпкой вертикальную ручку двери.

Вагон Виктора еще стоял закрытым. Виктор опустил сумку у ног и терпеливо ждал. Ему ужасно хотелось как можно скорее покинуть эту платформу, этот город. Оттолкнуться от него железными колесами поезда и покатить домой, к жене Ирине, к малой, к ночному кухонному окну и замершей за его стеклом неподвижности мира. Настроение было паршивое. Было жаль потраченного времени, было заранее стыдно за бесполезность поездки, которую он сам придумал. Даже перед невидимым Георгием было заранее стыдно. Он, наверно, прочитает ему еще одну лекцию по мобильному. У него неплохо получается. И попробуй возрази человеку, которого никогда в глаза не видел и у которого голос доброго, но строгого пэтэушного мастера!

Дверь в вагон наконец открылась. По ступенькам с тряпкой в руке спустилась толстая проводница-блондинка. Пройдясь небрежно тряпкой по ручке, она бросила ее в тамбур. Повернулась лицом к Виктору.

Виктор достал билет, протянул проводнице.

Она, взглянув, сразу сунула билет в кожаную книжицу с карманчиками.

– Занимайте свое место!

Виктор с облегчением зашел в купе. Уселся у грязного, давно не мытого окна, через которое вряд ли можно было что-то разглядеть. Разве что различить: день там за окном или ночь.

В вагоне было неестественно тихо. Поезд отходил через двадцать пять минут.

Виктор думал сначала переодеться в спортивный костюм, лежавший в сумке, но решил обождать. Лень было двигаться.

И вдруг шаги по вагонному коридору, спешащие, целеустремленные.

В открытом проеме двери его купе остановился высокий светловолосый мужчина лет сорока. Черные брюки и темно-зеленая рубашка с длинными рукавами. Посмотрел на Виктора приветливо, улыбаясь.

– Виктор Семенович?

– Да. – Виктор кивнул.

– Что ж вы уже уезжаете? Вы же приехали поговорить кое с кем... Пойдемте, машина ждет...

Виктор изумленно смотрел на этого раскованного улыбающегося человека. Дыхание от неожиданности сперло. В голове беспомощно суетились мысли в поисках выхода из этой ситуации.

– У меня же билет на сегодня... на этот поезд...

Человек в проеме купейной двери отрицательно помотал головой и протянул Виктору другой билет.

– У вас поезд завтра вечером, и совершенно нормальный поезд. СВ на одного...

Виктор взял билет, тупо посмотрел на него. Увидел, что действительно на завтра и действительно СВ. Поднял глаза на светловолосого незнакомца.

– Берите-берите вашу сумку, – сказал тот вежливо. – Нам еще ехать не меньше часа, потом ужинать. Когда же спать?

За вежливой улыбкой светловолосого незнакомца Виктор ощутил силу, которой по крайней мере в этот момент надо было подчиниться. Кроме того, появление этого человека давало определенную надежду на хотя бы какую-то информацию, то есть в любом случае он уедет отсюда завтра, что-то узнав.

Виктор пристально посмотрел светловолосому в глаза. А тот все улыбался. И глаза его улыбались приветливо, почти радостно.

Виктор взял из-под стола сумку. Встал.

Черная «Волга» с затемненными стеклами – Виктор еще ни разу не видел этой модели – летела по какому-то проспекту. Виктор один сидел на заднем сиденье, а на передних расположились светловолосый мужчина и невзрачного вида водитель.

23

Ник проснулся вечером около десяти. По телевизору шел какой-то немецкий фильм. Сахно в номере не было.

Без Сергея, конечно, Нику было спокойнее. Он даже рад был отсутствию своего напарника. Но в то же время какое-то ощущение абстрактного долга, подсознание бывшего офицера теребили его, беспокоили, легонько покалывали тонкой иглой, вызывая несильное раздражение. Где Сахно?

Мысли об ужине потихоньку оттеснили мысли о напарнике. Бодрость требовала подкрепления, еды.

Ник спустился в фойе, увидел стеклянную дверь в гостиничный ресторан.

Внутри сидел один прилично одетый старик и пил пиво из тяжелого керамического бокала.

Оглянувшись на вошедшего Ника, он опустил бокал на столик и поднялся, приветливо улыбаясь. Подошел. Спросил по-немецки, что он может предложить гостю.

Ник в конце концов понял, что старик этот – или официант, или что-то в этом роде.

– Повар работает до десяти, – объяснил он Нику. – Но у нас кое-что из горячего осталось, могу подогреть в микроволновке...

Простота и домашность этого заграничного заведения обезоружили Ника. Из предложенного стариком к подогреванию он выбрал какую-то особую сардельку и жареный картофель. По совету старика взял к этому бокал пива.

Уселся за столик.

Старик минуты через три принес весь заказ и пожелал приятного аппетита. Сам вернулся к своему недопитому пиву.

Снова тишина заполнила пространство вокруг Ника. Он почувствовал себя в вакууме, словно отрезанным от пространства, индивидуально запакованным, как костюм химической защиты, который почему-то приходилось таскать во все командировки.

Мысли перескочили на пространство, от которого Ник оказался «отрезанным». Они словно оторвались от головы и полетели в Саратов, к Татьяне и Володке. Они, наверно, грустят. Получили от него телеграмму. Ничего не поделаешь, придется и им смириться, как пришлось ему. Светлое новое будущее немного отодвигается. Это так естественно для всей бывшей и нынешней Советской страны. В ней всегда все хорошее отодвигалось на позже. Теперь все хорошее отодвигается на позже отдельно в каждой из отвалившихся бывших республик. Это не значит, что хорошее не наступит. Это значит, что за все хорошее надо платить. И теперь, во времена молодого славянского капитализма, хорошее, надо понимать, сильно подорожало. Даже ожидание светлого будущего подорожало. А раньше все было бесплатным...

Пиво показалось Нику слабым, а сарделька понравилась. Она оказалась щедрого размера.

Тишину нарушил длинный звонок. Старик встрепнулся. Вышел за стеклянные двери ресторана в фойе. В мягком свете фойе Ник увидел, как старик открывал кому-то дверь в гостиницу. Потом вернулся в ресторан.

Следом за стариком в ресторан заглянул негр в строгом темном костюме с галстуком, обвел зал озадаченным взглядом и ушел.

«Значит, гостиница на ночь закрывается», – понял Ник и улыбнулся, подумав о том, что Сергей не сможет сейчас пройти наверх в номер незамеченным.

Через полчаса, когда бодрость, потраченная на поздний ужин с пивом, начала уступать место усталости, гостиничный старик подошел к Нику и объяснил, что должен закрыть ресторан.

– Нет-нет, пиво еще можно взять и пить в фойе, – добавил он, опасаясь недовольствия гостя. – Это ресторан надо закрыть в одиннадцать, иначе местные власти оштрафуют. У нас дешевая лицензия...

24

На летней веранде большого дачного дома был накрыт щедрый стол. Над столом висела лампа с соломенным абажуром, разливавшая вокруг нежный желтый свет. Свет лампы порождал блик на гладком металлическом теле черной «Волги», стоявшей перед высоким порогом. За «Волгой» затормозила еще одна машина, только что въехавшая на территорию этого подмосковного «заповедника». Виктор так и не разобрался, что это за машина. Усталость и темнота не позволяли определить марку.

Теперь они сидели за круглым столом. Их было трое – Виктор, Рефат и толстенный водитель второй машины, представившийся «просто Юрой».

Светловолосого звали Рефат Сибиров. Когда Виктор спросил об отчестве, он улыбнулся и сказал: «Зовите меня просто Рефат. Мое отчество вам язык поломает!»

Юра был с виду действительно простоват, все время улыбался своей усатой улыбкой, рассматривая блюда. Потом он взял на себя обязанности тамады.

– Вина или водочки? – спросил Виктора.

– Вина, – негромко ответил Виктор, и тут же заурчала красная струйка, лившаяся в бокал.

– Сок, да? – Юра посмотрел заискивающе на Рефата.

Рефат кивнул. Заметив удивленный взгляд Виктора, он посмотрел на него спокойно и сказал:

– Я вообще не пью. К сожалению.

«Просто Юра» уже накладывал Виктору в тарелку салат из помидоров, колбасу, балык.

– Горячее чуть позже будет. Мы же, я думаю, будем ужинать до рассвета, – сказал он, снова усато улыбаясь и косясь на Рефата. – Послушаем первых соловьев, а потом отдохнем...

– Кушайте, – произнес Рефат. – Сначала по-русски надо выпить и закусить, потом поговорим, время есть...

Виктор ждал начала этого разговора, и немного нервничал, одновременно побаиваясь. Чего было бояться? На этот вопрос он и сам себе ответить не мог. Просто обстановка с этой подчеркнутой вежливостью, с этим роскошным столом настораживала. Он уже понимал, кто заплатил за его гостиничный номер. Его, Виктора, уже вроде купили. Потом надо будет чем-то платить. Только чем? Он от них наивно ждет какой-то информации, а они, наверно, ждут чего-то от него. А чего можно ждать от него?

Виктор поковырял вилкой салат, подцепил четвертинку помидора.

– Что вы такой невеселый? – удивился «просто Юра», прожевывая кусок балыка. – Мы же еще не выпили! Надо исправиться. А вообще представьте себе – ехали бы сейчас в грязном вагоне, подъезжали бы к границе, а там фонарик в лицо, проверка документов, глупые вопросы. Давайте выпьем. По крайней мере за знакомство!

Рефат чокнулся стаканом с яблочным соком. «Просто Юра» пил водку. Казалось, он и все остальное пил бы, как водку, – одним глотком, независимо от количества.

– Вы приехали с Ивиным поговорить? – неожиданно спросил Рефат.

– Да, – признался Виктор.

– Юра, покажи ему!

«Просто Юра» зашел в дом и вернулся с большим конвертом. Протянул конверт Виктору.

Отодвинув тарелку, Виктор вытащил из конверта несколько больших фотографий. Присмотрелся. На них с разных точек был сфотографирован труп мужчины, лежащий на ковре лицом вверх. Ковер под трупом на черно-белой фотографии был темным.

Виктор присмотрелся к лицу и, казалось, узнал этого человека – это был один из двоих, стоявших рядом с вдовой на кладбище.

– Это Ивин? – на всякий случай спросил Виктор.

– Да, разве не узнаете?

– Самое время помянуть, – «просто Юра» налил себе водки, потом Виктору вина. – Смерть – штука неизбежная. Сколько от нее не убегай, а когда-нибудь да догонит!

Виктор пригубил вина. Посмотрел на Рефата, лицо которого сейчас было серьезным в отличие от их третьего товарища по столу.

– А какие вопросы вы хотели ему задать? – спросил Рефат, поймав на себе взгляд Виктора.

Виктор молчал. Он уже решил не упоминать о двух других друзьях Броницкого, перебравшихся в Москву, – может, в другой раз ему удастся с ними встретиться. О чем нельзя говорить – он уже решил, а о чем говорить – не знал. Лучше бы самому задать пару вопросов, чтобы понять, чего от него хотят эти люди.

Он задумчиво отвернулся, посмотрел за бортик веранды, на березки, подходившие почти вплотную к дому.

– А вы откуда знаете, что я к Ивину приехал? – спросил он, продолжая разглядывать стволы берез.

– Он нам позвонил из Киева, боялся, что его там убьют. Кто-то фотографировал его на кладбище... Вы же, должно быть, занимаетесь делом Броницкого?

Виктор снова обернулся к Рефату.

– Да. Но мне кажется, никто Ивина на кладбище не фотографировал. Я там был...

– Он собирался остаться в Киеве еще на несколько дней, а прилетел самолетом в тот же вечер, сразу после похорон. Приехал домой, и там его нашла жена, когда вернулась от подруги...

– А кто же брал у него в доме трубку, когда я звонил? – удивился Виктор.

– Наша сотрудница... – Рефат отпил глоток сока. Потом прикусил нижнюю губу в раздумье. – Знаете, я вижу, вам трудно разговаривать. Послушайте, мы с вами оба русские, и все это разделение на отдельные страны – чистая политика. Мы с вами занимаемся одним и тем же. Мы тоже хотим знать, что произошло с Броницким. Вы, наверно, думаете, что его убили «злые москали», особенно после скандала в штабе, где он служил. Поверьте, здесь никто не был заинтересован в его смерти. Если дадите слово сохранить нашу встречу в тайне, я вам смогу это легко доказать фактами. Решайте!

Виктор задумался. Рефат показался ему человеком серьезным, и он уже понимал, что если «просто Юра» был похож на обычного, но очень компанейского оперативника, то Сибиров вообще, казалось, не имел никакого отношения к милиции. Уж очень хорошо он владел собой.

Словно в подтверждение догадки Виктора, Рефат вдруг улыбнулся и сказал: – Вы же знаете, что между Россией и Украиной подписан договор о согласованной совместной работе спецслужб, так что даже если когда-нибудь, помимо вашей воли, выяснится, что вы с нами встречались – никто это не назовет предательством! Фотографии, – он кивнул на конверт, – возьмете с собой, чтобы отчитаться о поездке. Лишний день у вас ушел на встречу с майором Крыловым из МУРа, – теперь он указал на «просто Юру». – Я вам предлагаю только обменяться вопросами и ответами.

Минуты через две Виктор кивнул. Любопытство и твердая уверенность в возможности узнать что-то новое победили.

– Вот и хорошо. – Рефат вздохнул, переглянулся с Юрой. – Почему вы только сейчас заинтересовались Ивиным?

– Три дня назад я узнал, что он останавливался в гостинице «Москва» во время гибели или смерти Броницкого. Я думаю, что они вместе обедали в гостинице, скорее всего в буфете. Потом труп Броницкого был привязан к рекламному дирижаблю возле гостиницы...

Рефат кивнул.

– Все точно, – сказал он. Потом перевел взгляд на Юру. – Неси горячее!

«Просто Юра» снова ушел в дом.

– Вы хорошо работаете, – продолжил Рефат. – Только зачем так усложнили само следствие?

– В каком смысле?

– Почему у вас кабинет в райотделе милиции? – спросил Рефат.

– Потому, что это мой кабинет, – оторопело ответил Виктор.

Рефат напряженно улыбнулся тонкими губами.

– Ладно, вернемся к Броницкому. Это ведь вы тормознули вылет его трупа в Воронеж?

Рефат, показалось Виктору, и знал слишком много, и стал задавать, что называется, не те вопросы. Виктор промолчал, сам налил себе вина, сделал пару глотков.

– Вы сказали, что сможете мне фактами доказать, что Москва в деле Броницкого ни при чем, – произнес он твердо, уставившись прямо в глаза Рефату и только в этот момент заметив, что глаза у него светло-зеленые.

– Чуть позже, – проговорил Рефат.

«Просто Юра» принес фарфоровую кастрюльку с крышкой. Освободил для нее место посередине стола. Поставил.

– Оп-ля! – снял крышку игривым жестом.

Он взял уже пустую тарелку Виктора, положил на нее из кастрюльки три свернутых трубочками блинчика. Потом обслужил Рефата и себя.

– Давайте поедим, а то остынет! – предложил Рефат.

Напряжение, с которым Виктор ожидал продолжения разговора, отступило. Виктор расслабленно взял в руки нож и вилку. Отрезал кусочек блинной колбаски и положил себе в рот. Знакомый солоноватый вкус «приласкал» язык. Сразу захотелось еще кусочек.

Когда Виктор отрезал третий кусок блинной колбаски, из нее выпало несколько красных икринок.

Виктор замер, глядя на блины. Он вдруг понял, что такие же блины с красной икрой – последняя еда Броницкого.

Посмотрел вопросительно на Рефата – тот сидел неподвижно и улыбался Виктору своими светло-зелеными глазами.

– Мы с Ивиным и Броницким ужинали в гостинице двадцатого мая, – через минуту произнес Рефат. – Вы совершенно правы – именно в буфете на пятом этаже. Запоминайте, что я скажу дальше, вам будет очень полезно знать. При том условии, которое вы приняли, – никому об этом ни слова. Броницкий был нашим другом. Он помогал нам и когда был в штабе, а еще больше, когда стал работать в президентском аппарате. Он должен был остановить вторую поставку украинских танков в Пакистан, но пароход ушел... Вы были в доме, где жил Ивин. Этажом выше Ивина для Броницкого уже была готова квартира. Через пару недель он бы уже переехал в Москву на ПМЖ. Двадцатого вечером мы как раз обговаривали его будущее. Он ушел около полуночи. Из моего номера мы вызвали по телефону такси. Он должен был по дороге домой заехать на пять минут к своему коллеге. Я помню, он назвал диспетчеру маршрут – от гостиницы на Бастионную, потом на Суворова. Мы сами потом попробовали разыскать этого коллегу, но опоздали. Несчастный случай. Поломка газовой колонки. Квартира наполнилась газом, а он не заметил и захотел прикурить. Все сгорело вместе с хозяином. Правда, мы узнали, что это только официальная версия. На самом деле коллегу взорвали самодельной миной, подложив ее под кресло, к которому он был привязан. Думаю, что этот коллега и был организатором или, может быть, всего лишь исполнителем убийства. Конечно, для того, чтобы отправить Броницкого в полет на дирижабле, нужна была помощь. Может, в этом деле он сам лично и не участвовал. Кто знает?! Но, во всяком случае, его уже похоронили. Остались еще одни похороны, и дело будет сдано в архив.

– Чьи похороны? – спросил Виктор.

– Того, кто подложил мину под кресло... Классический вариант – отрезаются два первых звена цепочки, и после этого уже ничего никогда не узнаешь.

– А те, кто привязал труп к дирижаблю? – Виктор проницательно посмотрел на Рефата.

– Это скорее всего были люди «штатные». Контролеры. Один или два. Если их найдешь и припрешь к стенке – они все равно покажут пальцем на второго покойника. Их и убирать нет смысла – себе дороже. Ладно, давайте перекусим.

Виктор положил себе на тарелку еще парочку блинов с икрой. «Просто Юра» подлил ему вина. Себе – водки. Рефату – сока.

Ночная тишина этого заповедного уголка Подмосковья подступила вплотную к круглому столу, стоявшему на освещенной уютным светом веранде. Где-то крикнула ночная птица.

«Просто Юра» залпом выпил свою стопку водки и потянулся за балыком.

Виктор жевал блин и думал. Рассказ Рефата произвел на него впечатление. Да и сам Рефат был похож на человека, который врать не будет. Видно, он находился уже в том положении, когда ему даже в силу профессии врать было необязательно – для этого существовали подчиненные. То, что Рефат принимал Виктора за эсбэушника, – тому даже нравилось. Людям нравится, когда их «преувеличивают» в чужих глазах. «А может, я уже на самом деле эсбэушник, мне только пока не сообщают об этом?» – подумал Виктор. Вспомнил о Диме Ракине, своем бывшем коллеге, перешедшем в спецотдел «Ф». Ведь это именно он порекомендовал передать дело Броницкого Виктору. А что такое спецотдел «Ф»? Тайна, покрытая мраком. Когда Дима сдавал дела, Крыса – Леонид Иванович Крысько, вечный майор – проговорился, что Дима теперь будет «связывать порванные ниточки». Отдел по координации действий. Каких и чьих? Скорее всего, эсбэушных и эмвэдиетских. И о взрыве на Бастионной Виктор ничего не слышал, хотя это их район.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.